

18+

Грир
Макаллистер

Скорникта

♦ ПЯТЬ КОРОЛЕВСТВ ♦

Young Adult. Магические миры

Григ Макаллистер

Скорпика

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Макаллистер Г.

Скорпика / Г. Макаллистер — «Эксмо», 2022 — (Young Adult. Магические миры)

ISBN 978-5-04-191012-9

Жестокий рок пал на Пять Королевств, когда девочки необъяснимым образом перестали рождаться. Столетия мира остались в прошлом, договоренности нарушены, старые союзы распадаются, новые вызовы угрожают народам изнутри. Кхара – королева Скорпики, разрывающаяся между семьей и долгом. Тамура – дерзкая воительница, компенсирующая свои слабости физической силой. Мирриам – могущественная королева-чародейка Арки, доверяющая только себе. Джехенит – приветливая целительница, готовая на все, чтобы защитить свою особенную дочь. Сессадон – уязвленная беспощадная колдунья, желающая, чтобы мир преклонился перед ней. Пять могущественных женщин сходятся в борьбе за выживание. Ставки высоки, и никто не намерен отступать... Амбициозное эпическое фэнтези для поклонников Робин Хобб, Мадлен Миллер и Джорджа Мартина. Сложный и увлекательный мир: жестокий и великолепный, сочетающий в себе политические интриги и магию. Красивейшая обложка от популярной художницы Altorina. Разнообразие персонажей и сильные женские характеры, среди которых каждый найдет себе образ по душе. Неожиданные сюжетные повороты в духе «Игры Престолов» – вы никогда не знаете наверняка, что произойдет дальше.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-191012-9

© Макалистер Г., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Часть I	7
1	7
2	13
3	21
4	30
5	35
6	40
Часть II	41
7	41
8	48
9	54
10	58
11	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Грир Макаллистер

Скорпика

G.R. Macallister

Scorpica (THE FIVE QUEENDOMS)

Copyright © 2022 by G.R. Macallister

© Воробьева К.А., перевод на русский язык, 2023

© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Наконец-то посвящено Джонатану

В Пяти Королевствах, известных миру, в среднем в день рождалось около сотни детей. Они стремительно появлялись на свет из чресел воительниц и пастушек, крестьянок и придворных, писарей и целительниц, воровок и королев. В некоторые дни новорожденных было больше, в некоторые – меньше, но в течение недель, месяцев и лет они появлялись на свет нескончаемым потоком, с криком вступая в жизнь.

Пять Королевств были пятью пальцами руки, тесно взаимосвязанными, но разными. С тех пор как пятьсот лет назад Великий Договор определил границы, целые поколения жили в гармонии между королевствами. Женщины, заключившие Договор, составили карты с умом: у каждого народа были свои дары, своя роль. Писари Бастиона вели безупречные записи и обучали самые талантливые умы всех королевств. Сестия славилась зерном и скотом. В пустынной Арке процветала только магия, но и ее было достаточно. Паксим заключал сделки; бесчисленные торговые повозки прокладывали колею по его земле во всех направлениях. А в Скорпике жили самые сильные бойцы, каждая женщина была воительницей, а их командиром – королева.

Равновесие казалось неизменным, вечным, прочным, как природный каменный мост, высеченный водой и временем. Затем один неестественный сдвиг нарушил его. Договор был не таким надежным, как казалось.

Поздним вечером четвертого дня четвертого месяца 502 года Всея Матери, в тот день, когда у вдовствующей королевы Паксима родился своенравный наследник, на свет появились четыре девочки. Одна была дочерью королевы-воительницы, другая – опальной жрицы, третья – отпрыском целительницы, последней из своего рода. Одна, осиротевшая после того, как дух ее матери покинул этот мир, была ничьей дочерью – и дочерью всей страны. Поначалу они казались обычными. Но если бы потом родилось больше девочек, то так бы оно и было.

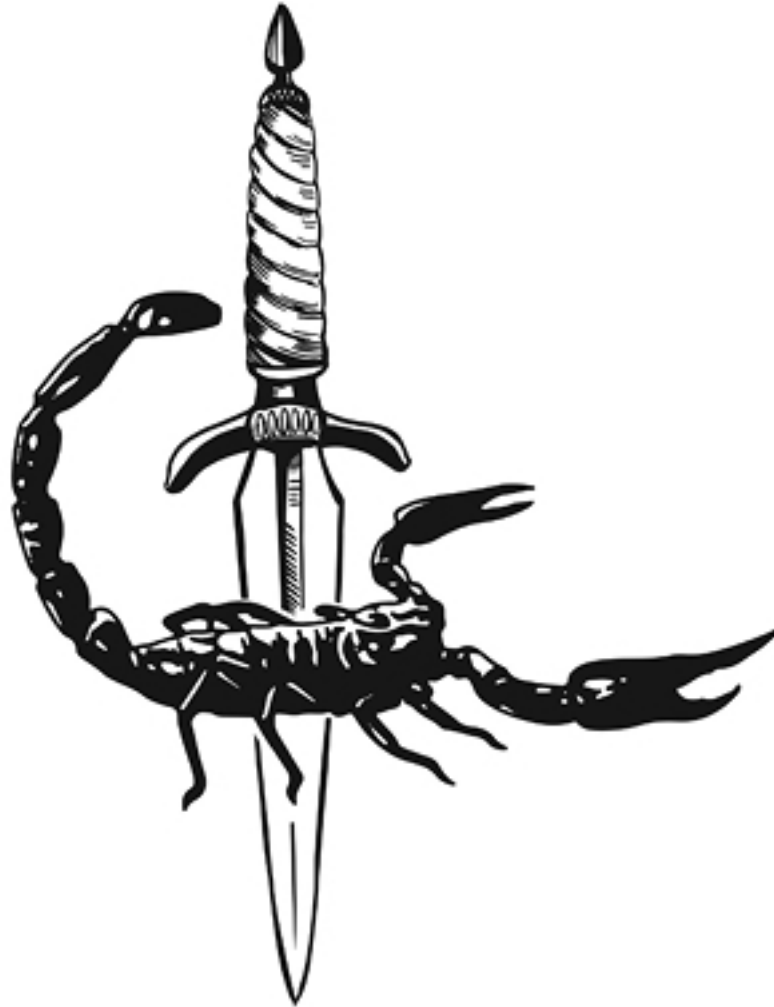
Однако на следующий день каждый ребенок, родившийся у женщин Паксима – от сенаторов до слуг, – был мальчиком. Так же обстояли дела и в шатрах скорпиканских воительниц. И среди магов Арки. И на роскошных, разросшихся фермах Сестии. Даже в тесной каменной крепости Бастиона. Во всех Пяти Королевствах происходило одно и то же.

Новорожденные появлялись на свет с криком и молчанием, у богатых и бедных, здоровыми и слабыми, желанными и нежеланными. Их рассеянный взгляд падал на унылую пустыню, сочные зеленые пастбища, холмистые леса, непробиваемый камень. Они были даром и несчастьем. Они были благословлены избытком и прокляты нуждой. Они были посланниками будущих поколений, надеждой, воплощенной в жизнь, заключенной в маленькую морщинистую плоть. Эти дети были всем для женщин. Только ни один ребенок не был девочкой.

Пройдут годы, прежде чем в Пяти Королевствах родится еще одна девочка.

И еще больше времени, прежде чем кто-то поймет, почему.

Часть I До наступления бездевичья

1

Бесплодная королева

Середина лета, 501 год Всея Матери

В Священном Городе, Сестия

Кхара

Накануне Обряда Солнца Кхара дха Элими проснулась одна в кромешной тьме.

Даже несмотря на слишком мягкие и слишком большие кровати, которые сестийские хозяйки приготовили для ее делегации, она заснула достаточно быстро, успокоенная близостью своих скорпиканских подруг. Ровное, размеренное дыхание дюжины отдыхающих воительниц стало для нее колыбельной песней. Однако, проснувшись, женщина обнаружила, что единственным ее спутником является тишина... и мягкие смятые постели.

Конечно, Кхара знала, куда отправились ее бойцы. Очень давно, на протяжении девяти лет, она сама занималась в этом самом городе тем же самым. В пятнадцать лет она впервые

отправилась в Сестию, чтобы побывать на обрядах. В Скорпику она вернулась с животом, который вот-вот мог лопнуть, как и у многих сестер-воительниц, чьи женские начала были политы мужским дождем. Ежегодные Обряды Луны или более редкие Обряды Солнца мало чем отличались друг от друга: сестийские жрицы, Ксары, призывали к всеобщему наслаждению. По их словам, удовольствия воздавали честь Богине Изобилия и ее супругу. А скорпиканские воительницы, крепкие и мускулистые, с темными волосами, состриженными почти под корень, посмеивались над торжественной набожностью длинноволосых жриц. Некоторые верили в Богиню Изобилия, а некоторые – нет. Они стремились к удовольствию ради удовольствия, а не ради божества.

Кхаре казалось, что толстый матрас пытается медленно проглотить ее, как беззубая змея. Женщина с трудом поднялась и чуть не упала, не привыкшая к такой высоте. *Скорпион драл эти паломничества*, – подумала она. – *В следующий раз останусь дома.*

Но неужели через пять лет, к следующему Обряду Солнца, она все еще будет королевой? Тогда ей уже будет около сорока. Глупо было бы не подумать о судьбе короны, хотя у Кхары не было дочери, которая могла бы занять трон. Поэтому она изучила всех своих подданных, проанализировала их сильные и слабые стороны, спланировала престолонаследие, как и любую кампанию, и выбрала в качестве своей протезе Маду дха Шодрея, которая, как и остальные, растворилась в сестийской ночи.

Выпрямившись, Кхара прошла по темной комнате, ее босые ноги бесшумно ступали по прохладному каменному полу. Во время Обрядов Солнца огромное, сверкающее белизной центральное здание Священного Города – и дворец, и храм – вмещало десятки, а то и сотни посетителей. У воительниц был выбор. Кхара знала, что некоторые скорпиканки подходили к удовольствию стратегически, выбирая для постели конкретных мужчин за их силу или ум, за те черты, которые хотели видеть в следующем поколении бойцов. Сама она никогда не отличалась такой предусмотрительностью. Но подозревала, что Мада проявит дотошность. Ее острый стратегический ум был одной из главных причин, по которым Кхара выбрала ее.

А еще она выбрала Маду из-за ее дочери.

Тамуре дха Мада было десять лет, и она уже умело обращалась с луком, принося с охоты пару рыжих белок или пухлых кроликов, даже когда гораздо более взрослые охотницы возвращались с пустыми руками. Если Кхара официально выберет Маду, назовет женщину, у которой уже есть дочь, причем ту, которой явно суждено превратиться в талантливую воительницу, то в дальнейшем вопросов о наследовании не возникнет.

Дверь открылась со слабым скрипом и пропустила затененную фигуру, очерченную лампой, которую несли в руках, и у Кхары возникло странное ощущение, что она призвала Маду, просто подумав о ней. Однако это была Гретти, самая молодая из их делегации. Девочке было всего пятнадцать лет, но она была хранительницей церемониального клинка. Даже при слабом освещении Кхара могла легко узнать ее: стройная фигура, полные губы на сосредоточенном лице, осторожный шаг. Пять лет назад ее сестра Хана была хранительницей клинка. Гретти, необычайно способная, все же не обладала легкой уверенностью сестры. В одной руке девочка держала свои сандалии, веревки болтались в воздухе. Кожаный жилет был завязан второпях. Не глядя на Кхару, она подкралась к своей кровати и подняла мягкий матрас. Увидев приглушенный блеск металла, она шумно вздохнула.

– Здесь он был в безопасности, – сказала Кхара.

Девочка резко обернулась, сильно удивившись. Ей следует быть внимательнее к окружающей обстановке.

– Я беспокоилась. Поэтому вернулась.

Бросив лукавый взгляд на небрежно завязанный жилет, Кхара мягко сказала:

– Если бы ты предупредила, что пойдешь, то я смогла бы тебя успокоить. Тогда не пришлось бы торопиться.

Прежде чем Гретти успела ответить, внимание Кхары привлекло движение в дверном проеме.

В комнату уверенно и бесшумно вошла сама Мада. Даже в сандалиях из шкуры скота она ступала тихо. Она была немного ниже своей королевы и шире ее в плечах, с развитыми мышцами прирожденной бегуньи. Мада с удовольствием потянулась на ходу.

– Моя Королева, – сказала она. – Нам всем пора в постель.

– Полагаю, мы уже все там побывали, – сказала Кхара. – Только не в этой комнате.

Мада удовлетворенно улыбнулась.

– Просто исполняем свой долг служения Святой.

– Значит, ты легла в постель с сестианцем? – задала Кхара бестактный вопрос. Краем глаза она заметила, как у Гретти от удивления отвисла челюсть, но она продолжала смотреть на Маду, испытывая ее самообладание. Если она слишком вспыльчива, чтобы править, еще не поздно выбрать другого преемника. Пока что есть время.

– Он кричал Ее имя?

Мада невозмутимо ответила:

– Мне больше по вкусу арканцы, когда удается их найти. А вы? Вы помните, кого выбрали раньше, или прошло уже слишком много времени?

В ответе Кхары Мада, казалось, хотела услышать правду, ее глаза сияли в ожидании, как у птицы, – спасло возвращение еще двух воительниц, их губы были опухшими, а конечности расслабленными. В единственном высоком окне еще не было видно солнца, но Кхара знала, что утро все ближе. Значит, сегодня больше не удастся поспать.

Вернувшиеся воительницы, казалось, тоже не хотели спать: они оживленно переговаривались, как пчелы, опьяненные солнечным светом, проводили тряпкой, намочив ее в тазике, по плечам или другим местам, разбирали и упаковывали вещи, которые взяли с собой из Скорпики, готовясь к долгому путешествию домой.

Кхара внимательно слушала их разговоры, делая вид, что ничего не замечает, и облачилась в церемониальную мантию, предназначенную для Обряда Солнца. По традиции другие королевы распускали волосы, но ее волосы были слишком короткими, чтобы их можно было уложить по-другому. Гретти снова и снова полировала клинок, и Харе пришлось заставить себя отвести взгляд. Клинок был острым и смертоносным. Ему не нужен блеск, чтобы выполнять свою мрачную работу.

Прошло несколько минут, и через толстое дерево двери в покои донесся тихий, но отчетливый звон. Воительницы подняли головы.

– Пора, – приказала, а не спросила их королева, и открыла дверь, чтобы впустить королевских гвардейцев.

Четыре женщины-воина, две возраста Кхары, а остальные ровесницы Мады, стояли в коридоре, выпрямившись во весь рост. Они были одеты в длинные плащи из светлой шерсти, чтобы показать свою преданность Сестии, а в центре их кожаных щитов красовался бараний рог. Под ними – доспехи.

– Королева, – сказала самая высокая. – Время пришло. Клинок у вас?

Кхара повернулась к девочке. Настал ее час.

– Гретти, – сказала королева.

В то же мгновение девочка убрала оружие в ножны и, прижав его к себе, благоговейно протянула клинок сверкающей костяной рукоятью вперед.

Кхара взяла его в руки, затем раскрыла ладони так, чтобы лезвие смотрело вверх, чтобы нести его как подношение. Слегка расправила плечи.

– Следуйте за мной, пожалуйста, – попросила самая маленькая из королевских гвардейцев. Говорила она тихо и официально.

– Да, – ответила Кхара. – Мы готовы.

* * *

Во время Обряда Солнца королева Скорпики должна выполнить три задачи. Одна из них заключалась в том, чтобы совершить долгое путешествие сюда и принести священный клинок, который будут использовать во время церемонии. Никакие заместители не допускались; королева должна была присутствовать лично. Вторая – за день до церемонии – вместе с другими королевами съесть ритуальную порцию свежих красных вишен и подтвердить свое участие. Третья – присутствовать на самой церемонии, неся клинок и передавая его в руки Верховной Ксары, что Кхара любила меньше всего. Запах крови сам по себе не беспокоил воительницу, но то, как пахнет кровь, во многом зависело от того, чья она и как была взята. Кровь, пролитая во время Обряда Солнца, пахла ржавчиной и гнилью, как перезрелый инжир в клюве стервятника. Даже если кровь была яркой и свежей, пролитой мгновение назад, для нее она всегда пахла гнилью.

Однако возможности избежать участия в обряде не было ни у одной из пяти правящих королев. Хотя только сестианцы поклонялись Богине Изобилия усерднее всех, никто из них не знал, что может случиться, если какая-нибудь королева проигнорирует призыв. Были ли Обряды Солнца той плотиной, которая сдерживала потоки чумы и голода? Неужели Боги ожидали именно присутствия королев, даже если жертва совершалась не от их имени? Они не узнают ответ, пока не откажутся принять участие. Но пока еще никто не решил, что любопытство стоит риска.

Королева Паксима провела переговоры и заручилась обещаниями присутствовать, королева Бастиона принесла драгоценную Книгу Миров для записи церемонии, королева Арки прибыла как посланница Хаоса, а она, королева Скорпики, доставила священный клинок. Сама королева Сестии, Верховная Ксара, станет той, кто будет им владеть.

Следуя за королевским гвардейцем из дворца в сторону амфитеатра, Кхара думала только о том, как ей не терпится поскорее закончить обряды. Возможно, сегодня она в последний раз идет по этой дороге. Если она объявит Маду своей наследницей и уступит свою корону, то больше ей не придется проходить этот путь. Эта мысль отозвалась в ней сожалением, но в то же время и облегчением.

Однако Кхара будет скучать по вишне. В прохладном и диком северном климате Скорпики подобные деревья не приживались. Идеально спелые, полные сока, только что сорванные с дерева ягоды были еще теплыми благодаря солнечным лучам. Она знала, что в ритуале была заключена символика – все пять королев покидали священную рощу с кровавыми багровыми пятнами на губах и на пальцах, – но вкус был настолько изысканным, что даже воспоминания о нем вызывали у нее аппетит.

Когда они прибыли в выложенный сверкающим камнем амфитеатр, то сдали оружие стражникам – все, кроме Гретти, – и прошли через последние ворота. Затем спустились по очень длинной лестнице, направляясь к помосту, где должна была состояться церемония.

Как только делегация приблизилась, тут же стали исполняться ритуальные танцы.

Несколько десятков танцоров были одеты в простые струящиеся короткие туники, у девушек и женщин волосы были убраны в высокую прическу, а юноши и мужчины носили головные уборы из бараньих рогов. Они разыгрывали начало истории, начиная с того, что Всея Матерь создала мир, затем родила трех дочерей: Велью, Сестию и Эреш – Хаос, Изобилие и Смерть, чтобы помочь ей создать людей, животных и растения для этого мира. Сестия дала жизнь, вдыхая свое божественное дыхание в рот, клюв и рыло, ставя ноги, лапы и копыта на землю, чтобы те исследовали ее вдоль и поперек. Эреш создала Подземье, чтобы принять дух людей, их тени, когда их земное время закончится. Велья привнесла все то, чего люди больше всего хотели и чего больше всего боялись – боль и тоску, а также радость и удовлетворение,

надежду, зависть, отчаяние, – чтобы создать баланс между жизнью и смертью, гарантируя, что единственной определенной вещью в этом мире будет неопределенность.

Зазвучал горн, приводя Кхару в чувство. Время пришло. Вместе с другими королевами она двинулась вперед, а остальные участники делегации отошли назад, заняв места в первом ряду амфитеатра. Танцующие постепенно стали двигаться медленнее, отступая в сторону.

Напряжение сменилось предвкушением, тысячи зрителей замерли, затаив дыхание.

Восемь мускулистых женщин шагнули в пространство, где находились танцоры, каждая четверка несла одну из церемониальных костяных лежанок. Они устанавливали их на землю: один край прочно крепился к помосту, а другой, с зазубренным углом, нависал над стоящими внизу открытыми корзинами с зерном. По тому, что произойдет в этих корзинах, можно будет судить о том, насколько обильным или скудным будет урожай следующего года. Все надежды, не только Сестии, но и всего мира, покоились в золотой колыбели этого зерна.

Затем жертв под руки вывели вперед, их ноги были босыми, поэтому они осторожно ступали по сухой земле. На помосте их привязали к костяным лежанкам, головы аккуратно поместили в выемку, обнажив длинное, гладкое горло. Девочка на пороге становления женщиной. Мальчик на пороге становления мужчиной. *Ни одному из них, – подумала Кхара, – не суждено прожить достаточно долго, чтобы воплотиться.*

Иногда жертвоприношения проходили тяжело, а иногда – нет; Кхара не знала, в чем причина столь большой разницы, и не позволяла себе волноваться. Она лишь отводила взгляд от этих упрекающих глаз, и когда четырех королев-свидетельниц вызвали вперед, чтобы проверить узы, Кхара проверила, надежно ли они завязаны. *Довольно неприятно осознавать, что ты умрешь. Еще хуже, – думала она, – знать, что у тебя есть хоть какой-то шанс избежать этой смерти, но все равно встретит ее.*

– Вы довольны? – произнесла Верховная Ксара, торжественно приступая к жертвоприношению.

– Да, – дружно ответили остальные королевы.

Когда рассвет начал зажигать небо, церемониальный рог, рассекая воздух, протрубил снова. Женщины и мужчины в амфитеатре восторженно замерли. Последний протяжный звук рога затих и оборвался над головами собравшихся.

– Королева Паксима, дипломат и посредник, – произнесла Верховная Ксара. Хотя она обращалась к темноглазой женщине в фиолетовой мантии, ее слова предназначались всем, и произнесены они были голосом почти таким же резким и звонким, как звук рога.

– Да.

– Привела ли ты всех пять королев со всего известного мира, чтобы они сегодня исполнили свои роли?

– Привела, – Гелиана ответила громко, гордо, решительно. Ее темные волосы свисали до пояса; свободные от привычных косичек, они струились по спине, как плащ.

После паузы Верховная Ксара повернулась к следующей королеве, ее движения были четкими и осторожными.

– Королева Бастиона, писарь нашего священного обряда.

– Да.

– Готова ли ты записать все то, что сегодня произойдет?

Самая старая королева, со сморщенными, как перезревшее яблоко, худыми подбородком и щеками, сказала:

– Готова.

– Королева Скорпики, полная боевого духа и силы.

Кхара подняла подбородок и встретилась с уверенным взглядом жрицы, заставляя себя отвечать силой на силу.

– Да.

– Отдашь ли ты священный клинок Святой для священного обряда, который сегодня ждет нас?

– Отдам, – сказала Кхара командным голосом.

– Королева Арки, – обратилась Верховная Ксара к последней королеве внутри полукруга, – я призываю тебя стать устами Хаоса.

В этот момент церемонии всегда наступали тишина и напряжение. Никто не знал, что может последовать дальше. Сама Хаос была здесь в форме своего земного воплощения. Даже те, кто не поклонялся арканской Богине, в глубине души не могли не верить в Нее и боялись Ее капризов.

Когда королевы Арки были призваны на эти церемонии, их богиня Велья подталкивала некоторых из них к решительным действиям, а некоторых не трогала вовсе. Часто рассказывали истории о королеве, жившей за пять поколений до этой церемонии, которая спрыгнула с помоста и бросилась под церемониальный клинок, умерев вместо жертвы того года. Одна из предыдущих правительниц украла скорпиканского пони и промчалась галопом через всю церемонию, обнаженная, как в ту ночь, когда ее родила мать. Арканская королева Мирриам, стоявшая перед ними сегодня, правила много лет, ее величественный крючковатый нос и яркие, ястребиные глаза оставались неизменными на протяжении десятилетий. И хотя она правила так долго, они все еще не знали ее по-настоящему. Она может ничего не сделать. И может совершить что угодно.

Тишина опустилась на толпу в амфитеатре, как одеяло, простираясь, не разрываясь.

Затем королева Арки с легким удивлением произнесла:

– Я хочу уйти отсюда.

И она так и сделала, сойдя с помоста в сторону зрителей, долго поднимаясь по лестнице к дальнему выходу. Головы то и дело поворачивались, чтобы проследить за ее движениями.

Кхара посмотрела на Верховную Ксару, чей взгляд не отрывался от темноволосой королевы, пока та поднималась по казавшимся бесконечными ступеням все выше и выше. Как только королева Арки скрылась из виду, Кхаре показалось, что Верховная Ксара вздохнула с облегчением. Мгновение спустя лицо жрицы застыло и стало неподвижным, как маска. Возможно, Кхара просто вообразила себе этот миг проявления человечности.

– Давайте же накормим Богиню, – раздался голос Верховной Ксары. Настало время Кхаре исполнить свой долг.

Кхара повертела клинок в руке, свободно обхватив пальцами кожаные ножны, и протянула его Верховной Ксаре. Жрица приняла оружие плавным, отработанным движением.

Толпа оживилась, наблюдая, перемещаясь, вздыхая, и Кхара поняла, что никак не могла услышать, как острое лезвие выскользнуло из прочной кожи. И все же ей показалось, что она расслышала: металл шептал, расставаясь с ножнами почти с сожалением.

Кхара склонила голову. Верховная Ксара нанесла удар.

Тысячи пар глаз смотрели, как обнаженный клинок вонзается сначала в грудь девочки, почти женщины, затем в грудь мальчика, почти мужчины, но Кхара не входила в их число. Она и дальше не смотрела, как обеим жертвам перерезали горло, заглушая крики сначала мальчика, потом девочки. Ей не нужно было видеть, чтобы знать это. Кровь стекала через выемки в костяных лежанках на зерно, завершая церемонию и благословляя посев следующего года. Она не поднимала глаз. Напротив, Кхара смотрела на свои руки, слабые и неподвижные, сок вчерашней вишни все еще окрашивал ее пальцы в стойкий красный цвет.

2

Дорога домой

Отъезд из Сестии

Кхара

Когда очертания сестианской столицы скрылись за ее спиной, Кхара почувствовала одновременно усталость и восторг. Так быстро сменился пейзаж – от оживленного шума столицы до открытой сельской местности за ее пределами. Деревня больше напоминала дом. Как только они оказались за пределами города, зеленые холмы Сестии приобрели невероятную пышность, а воздух стал сладким и чистым. Кхара позволила себе глубоко вздохнуть и оставить позади завершённые обряды.

Она ехала в центре колонны, хотя предпочла бы быть впереди. Рядом с ней ехал другой член делегации, считавшийся наиболее уязвимым, – хранительница клинка Гретти. «*Как же она молода*», – подумала Кхара. Была ли она сама когда-нибудь такой неуверенной, столь незнакомой с этим миром? Как странно проделать такой долгий путь, стать сильной – стать королевой! – и снова оказаться в центре колонны, рядом с ребенком.

Восемь пони ехали впереди и восемь позади, таща на себе остальных членов делегации, а также выюки с торговыми товарами, причем старшие воительницы занимали крайние позиции. Разбойники и бандиты всегда представляли опасность на длинных дорогах Паксима, а ценности, которые везли путники, были заманчивым источником богатой добычи для не обремененных моралью. Поэтому воительницы держали строй плотно, а оружие под рукой.

Лохматые и выносливые пони, на которых они ехали, пришли с диких красных гор, граничащих со Скорпикой и Паксимом на востоке, из страны призраков, известной как Божьи Кости. Никакое другое животное не подходило скорпиканским наездницам так хорошо. Кхара оседлала свою собственную лошадь, Штормовую Тень, когда была еще девочкой. Теперь пони был как бы продолжением ее самой. Поездка домой через большую часть света была утомительной даже в самых благоприятных условиях, но для ее тела не было большего комфорта, чем знакомая спина Штормовой Тени.

Совсем другое дело – душевный комфорт. Кхара не в первый раз пожалела, что не едет рядом с Вишалою. Но ее самая верная советница в отсутствие Кхары осталась в Скорпике, чтобы представлять ее и выносить решения. Они с Вишалою знали друг друга с детства, вместе учились натягивать тетиву своими пухлыми пальчиками, когда еще едва могли выговаривать слова. Она с удовольствием назвала бы Виш своей преемницей, но выбирать женщину своего возраста было глупо. Если королева достигла сорока пяти лет и не передала свою власть, то ее всегда ждал Вызов. Так гласили легенды.

И с каждым годом Кхара становилась все более уязвимой. Люди уважали ее, но мало кто любил по-настоящему. С самого начала, когда умерла ее мать, Эллыми, о ней шептались. *Достаточно ли сильна? Кто будет править после нее?*

Когда Кхара шла среди своих подданных, они кивали, молчали в знак уважения, склоняли мечи к ее ногам. Когда она шла в одиночестве, а ее уши находились далеко от их губ, то все равно знала, как те же воительницы называли ее. Бесплодная Королева.

Она редко вспоминала о тех девяти детях, которые год за годом появлялись на свет из ее чрева, – все мальчики. И среди них не было ни одного воина. Как только повитуха разрывала их связь родильным клинком, Кхара целовала их сладкие, влажные головки и передавала Виш. Ей она доверяла больше всех остальных, чтобы та сделала то, что нужно. Виш занималась продажей детей, чтобы малыши выросли в других королевствах, где мальчикам и мужчинам отводилась своя роль. В Скорпике же им не было места.

Прошло столько лет, так много времени! Кхара слишком долго оттягивала этот момент.

Необходимо решить вопрос о преемнице. Мада должна пройти испытание.

И именно Мада возглавляла колонну, держа спину прямой, как меч, даже когда раскачивалась в такт движению своего скакуна. Пока что она держалась хорошо, особенно для первого раза в такой незнакомой обстановке. Но обратный путь будет долгим. Именно тогда Кхара покажет ей, что значит быть королевой.

На обратном пути в Скорпику – а это почти месяц пути через Паксим и день между высокими, каменными воротами Бастиона – они встретят генералов Кхары, находящихся в дальних краях, многочисленную сеть скорпиканок, которые командовали охранными отрядами, переданными внаем слабым королевствам. Конечно, любой мог подготовить бойцов и отправить их на задание. Но в Скорпике поколениями готовили, назначали, воспитывали пожизненных воительниц. Такова была их роль, и ни одна скорпиканка никогда не нарушала клятву верности тому государству, куда ее назначали. Доверие было абсолютным, и другие королевства платили за это доверие очень дорого.

Чтобы стать мудрой королевой, Маде недостаточно просто блестяще сражаться. Ей нужно было понимать каждую женщину, которой она управляла. Подбирать задания, которые помогут укрепить их слабые стороны, не упуская сильные, и назначать справедливую цену за их услуги. Девочка, ставшая женщиной в пятнадцать лет, могла быть готова к высокой должности – стать частью королевской гвардии иноземного лидера, а могла пройти обучение в Скорпике, прежде чем ей можно будет доверить даже простую караульную службу в ближайшем Бастионе. Нелегко так хорошо знать столько женщин. *«Если Мада сможет разобраться в этих тонкостях, – подумала Кхара, – то будет готова».* Лучшие королевы – те, что правили до смены поколений без единого Вызова, – обладали тремя качествами: они были не только лучшими бойцами нации, но и лучшими лидерами и стратегами.

Днем и ночью они пробирались через равнины Паксима к дому. Десятки торговых постов, которые они миновали, были разными, но во многом одинаковыми: глашатай выкрикивал последние новости, и голос его звучал хрипло; горожане, как мухи, слетались к прилавкам на рынках, набрасывались на все, что попадалось им на глаза, а потом снова в спешке разбегались. Торговцы были то медоточивы, то грубоваты, в зависимости от того, что им нужно было продать и как, по их мнению, лучше всего это сделать.

Мада с удивлением взирала на происходящее, по наблюдениям Кхары, и все же не теряла бдительности. Она кивала и слушала, пока Кхара знакомила ее с важными воительницами. Внимательно прислушивалась, когда все говорили о том, в каких районах страны было больше беспорядков, и требовалась повышенная бдительность, а в каких все было спокойно, как на лесном озере.

То здесь, то там среди застав и городов попадались трактиры, но они не вызывали у скорпиканок никакого интереса. Женщины ночевали на обочинах дорог, где попало, по очереди дежуря и укладываясь на выюки. Многим спалось лучше, чем на набитых до отказа матрацах, на которых они нежились в течение недели в Сестии.

В золотистом свете после полудня Кхара подсчитала, что они были еще в двух сутках пути от ворот Бастиона – последней вехи перед домом. Она мысленно представляла их положение на карте в виде движущейся точки, равноудаленной от двух дальних торговых постов, когда услышала слабый свист – высокий и резкий. Все двенадцать воительниц мгновенно узнали его.

Стрела.

– *Кий-я*, – выкрикнула Мада приказ рассеяться, и лук уже был у нее в руке.

На широкой дороге перед ними стоял строй темных фигур. Все были вооружены до зубов.

Разбойники – беспорядочная компания из дюжины оборванцев, одетых в грязные коричневые лохмотья. Худые до невозможности, выглядящие так, словно в последний раз ели давным-давно. Первой мыслью Кхары было то, что они не могут представлять серьезной угрозы

команде обученных воительниц. И только потом поняла, что стрела, свист которой она услышала, вонзилась ей в левое плечо, причем не так уж далеко от сердца.

Тогда, и только тогда последовала боль.

Боль подождет. Сражение началось.

Первая стрела Мады попала в горло первому стрелку разбойников. Вторая просвистела прямо над головой эльфа – женщины в маске с длинным мечом. Вскоре они подобрались слишком близко для использования луков. Затем последовало шипение, звук металлических мечей, извлеченных из кожаных ножен, когда скорпиканки приготовились к бою.

Один из разбойников, низкорослый мужчина, космы темных волос которого придавали ему явное сходство с медведем, казалось, одумался. Он развернулся и бросился бежать, меч тяжело стучал о бедро, пока он мчался к далекому горизонту.

Мада оглянулась на свою королеву, кивнула один раз, а затем снова бросилась в бой с воплем, очень похожим на ликование.

Кхара еще мгновение оценивала обстановку, определяя нападающих и защитников, затем крепко ухватила за уздечку лошади Гретти. Глаза девочки были огромными. Кхара не могла рассчитывать на то, что неопытная молодая женщина сумеет не потерять голову и уберечь своего скакуна в схватке.

– Держись, – сказала ей Кхара.

Затем щелкнула языком, уперлась пятками в бока Штормовой Тени и погнала ее вскачь. Гретти последовала ее примеру.

Разбойники кружили, чтобы расположиться как впереди, так и позади колонны, поэтому Кхара сразу же увела их с дороги на север, пони были едва различимы в сгущающейся темноте. Она заставила себя забыть о жгучей боли в плече. Если бы она могла, то погрызла бы узелок ивовой коры из своей сумки, но только глупцы ставят комфорт выше безопасности.

Позади слышались крики рвущихся в бой воительниц, и ей хотелось скакать во главе их. Если бы она не была Бесплодной Королевой, если бы дома была дочь, готовая принять бразды правления, она бы так и сделала. «А ведь все могло бы быть иначе», – мрачно подумала она. Затем уткнулась лицом в развевающуюся гриву своего скакуна и сосредоточилась на спасении жизни молодой женщины, ехавшей позади нее. И своей собственной.

По мере продвижения вперед крики становились все глуше. Ее взгляд изучал землю в свете угасающего солнца. Фермы на севере Паксима были небольшими, и урожая хватало только на пропитание семей, которые на них работали. На многие мили не наблюдалось ни одного города. Кхара достала ивовую кору и начала раздирать ее зубами, надеясь, что боль быстро притупится. Когда она увидела на горизонте низкую приземистую постройку, то изменила курс, а затем сбавила скорость.

Подозрительность – вот что должно было стать их девизом. Вполне возможно, что все происходящее на дороге было инсценировано, чтобы загнать их во вторую засаду. Но, с другой стороны, если учесть стрелу в ее плече – жесткие серо-белые перья покачивались в такт движениям, – нападение было самым настоящим.

Держа Гретти за спиной, она оглядела дом и территорию. Возле приземистого здания стоял мужчина, набирая в ведро воду из колодца.

Когда они приблизились, он закончил свое дело и повернулся на звук копыт пони. Его волнистые волосы были собраны в узел на затылке, одежда была практичной и привычной одеждой рабочего. Кхара будто угадала его мысли: он поднял голову при их приближении, его движения были неторопливы, он открыл рот, чтобы произнести приветствие, но, заметив стрелу, торчащую из ее плеча, дал словам угаснуть на языке.

Он поспешил в их сторону, а воительница положила руку на свой меч, подумав: «Возможно, сегодня я все-таки вступлю в бой».

Затем он пронесся мимо нее в сторону Гретти. Кхара тут же заметила, что молодая женщина покачнулась на своем сиденье, а затем подалась вперед, прижавшись всем весом к шее своего скакуна.

– Могу я помочь ей? – спросил мужчина.

Пока он говорил, Кхара уже слезла со Штормовой Тени, и, поддерживая Гретти правой неповрежденной рукой, опустила бессознательную молодую женщину на землю.

– Но ваше... Могу ли я... – произнес мужчина. Он показал на стрелу, чье длинное прямое древко болью сопровождало каждое движение Кхары, перья впереди, окровавленный наконечник позади. – Вам нужна моя помощь?

Кора приглушила боль Кхары, и по положению стрелы в плече она поняла, что та не пробила мышцу. Можно подождать.

– Сначала она. – И указала на Гретти. Хранительница клинка не проходила испытания, и как бы они ни готовили девушек к бою, никакая подготовка не сравнится с реальностью.

Нахмутив темные брови, мужчина кивнул и опустился на колени. Он осторожно осмотрел девушку, взяв ее за подбородок, не поворачивая голову, приподнял одно веко, чтобы проверить глаз.

– Ты целитель? – спросила Кхара.

– В некотором роде, – ответил он. – Я занимаюсь всем понемногу. Целительством. Развожу скот. Торговлей. Преподаванием. Всем, что нужно. Разбойники на дороге?

– Да.

– Они смогли что-нибудь отнять?

– Сильно сомневаюсь.

Он издал звук, чем-то похожий на смех, и возобновил осмотр.

Пока мужчина занимался Гретти, Кхара наблюдала за ним. Худошавое тело, мозолистые от тяжелой работы пальцы. *«Скорее всего, он примерно моего возраста, – подумала женщина, – возможно, немного моложе»*. Лицо загорелое, но не обветренное, с едва заметными морщинками в уголках глаз. Он двигался нарочито напряженно. У нее сложилось впечатление, что он достаточно взрослый, чтобы осознать себя, – возраст, который наступает у каждого по-разному, но по достижении которого человек становится счастливее. Кхара сама не так давно наконец обрела это счастье.

Она позволила ему молча поработать еще минуту, а затем спросила:

– И как она?

– Не ранена, – сказал он. – Похоже, потеряла сознание от шока. Она придет в себя. Как думаете, ваши друзья скоро придут?

– Мои друзья? – спросила Кхара.

– Вы – скорпиканские воительницы, направляющиеся прямо к Бастиону, – сказал он, – а Обряд Солнца прошел месяц назад. Я знаю, кто вы.

Она снова внимательно посмотрела на него. В его улыбке было что-то похожее на приглашение, хотя, возможно, ей это показалось. Иногда человек видит то, что хочет увидеть.

– Ты живешь один?

– С братом. Он отправился в Мело – ближайший торговый пост, чтобы обменять сезонный мед на другие товары, которые нам понадобятся для сбора урожая. Вернется через день или два, скорее всего.

Мужчина снова смотрел на нее, оценивая, изучая. Возможно, Кхара все-таки не ошиблась насчет приглашения. Она наслаждалась теплым покалыванием в конечностях – ощущением, давно дремавшим в ней и начинавшим пробуждаться, – когда услышала звук приближающихся копыт и встала, повернувшись навстречу всадникам.

– Должно быть, ваши друзья, – сказал мужчина.

Они прибыли в облаке пыли, в форме клина, с Мадой во главе. Шум привел Гретти в сознание. Кхара видела, как она отчаянно пытается выпрямиться, пока не подоспели другие воительницы. Мужчина протянул руку и одним плавным движением поднял Гретти на ноги. Все трое повернулись ко вновь прибывшим.

– Разбойники убиты, – доложила Мада, быстро соскочив с седла. На ней не было видно крови, но колчан был почти пуст. – Вы ранены, Королева Кхара.

– Да, – ответила та и посмотрела на мужчину.

Как только Кхара ответила, мужчина тут же опустился на колени, наклонив голову. Обратился к земле у ее ног.

– Королева.

Она беззлобно обратилась к нему:

– Поднимись.

– Я догадывался, что вы принадлежите отряду королевы, – сказал он, и голос его изменился. – Но не подозревал...

– Знаешь, у нас не принято кланяться, – насмешливо сказала Кхара. – Вот как ты приветствуешь королеву Паксима?

– Как минимум поклоном. Некоторые падают лицом в грязь. Мы склоняемся в знак уважения.

– Королевы Скорпики немного отличаются.

– Я заметил, – ответил мужчина, его лицо расслабилось, вернулась ленивая, притягательная улыбка.

Мада, сложив руки, резко перебила:

– Слушай. Если ты целитель, то займись раной королевы, а не трепись языком. Иначе мы отправимся в путь.

– Я могу помочь, – сказал он, казалось совершенно не задетый ее оскорблением. – У меня есть острый инструмент, которым можно перерезать древко, и крепкое вино, чтобы промыть рану.

– Ты не знаешь скорпиканок, – ответила Мада. – Воительницы не омываются крепким вином. Мы пьем его.

Кхара не обращала внимания ни на неприязнь, изливавшуюся из Мады, как дождевая вода, ни на ее пренебрежительный тон. Мада уже вела себя как королева, уже брала на себя ответственность. Вот это и тревожило. Собравшиеся воительницы смотрели на них обеих, пони били копытами и фыркали, ожидая следующего приказа. А плечо и спину Кхары начинало жечь болью. Теперь, когда первоначальный шок и эффект от наспех прожеванной коры прошли, боль росла, лучилась, распространялась. Женщина стиснула зубы, борясь с ней.

Кхара намеренно отвернулась от Мады и обратилась напрямую к мужчине:

– Если бы ты поделился своей водой с моими бойцами, чтобы те освежились и умылись, то мы были бы очень признательны тебе.

– Да благословит вас Всея Матерь, воительницы, – сказал он, обращаясь ко всем. – Здесь рады любому гостю. Вы можете использовать колодец, сколько пожелаете. А я принесу вам немного крепкого вина.

– Мы проведем здесь ночь, – сказала Кхара, причем достаточно громко, чтобы ее голос можно было услышать, не оборачиваясь. Она добавила: – У нас есть спальные места. Мы путешествуем налегке, и даже не будем вбивать в землю колышки для шатров.

– Как я и сказал, мы всегда рады гостям.

Мада решительно заявила:

– Мы можем ехать дальше.

Кхара не спеша повернулась к ней и собравшимся воительницам. Возможно, в будущем Мада станет прекрасной королевой Скорпики, но сегодня ей не мешало бы вспомнить, кто

сейчас истинная правительница. Когда Кхара убедилась, что полностью завладела вниманием молодой женщины, то сказала:

– Приближается ночь. Завтра утром мы двинемся в путь. Когда ни одна из нас не получит стрелу разбойника в качестве украшения.

За ее спиной мужчина добавил:

– Остерегайтесь яда. В этих краях никогда не знаешь, каким ядом бандит смазал свое оружие.

Мада выдержала взгляд Кхары, затем сказала:

– Значит, завтра.

– Пусть теперь вылечат королеву. А я пойду с нашим хозяином за обещанным вином, – проговорила Гретти, голос которой звучал довольно бодро.

Все кивнули, а потом втроем пошли в сгущающихся сумерках к низкому, приземистому дому, над единственной дверью которого висел зажженный фонарь.

Внутри хижины было чисто, без излишеств. Один высокий стол и один низкий, два стула, две табуретки и несколько полок. Все из разнородного дерева. Две койки с тонкими матрасами и легкими летними одеялами. Несколько потертых нестиранных ковров. «Жизнь без роскоши», – размышляла Кхара. Впрочем, то же самое можно сказать и о жизни, которую вели она и ее сестры-воительницы, живя в палатках и передвигая свой лагерь в зависимости от времени года.

Пока хозяин доставал несколько кувшинов вина и закупоренный бурдюк, Гретти взяла Кхару за руку, оставив в ее ладони небольшой предмет. Посмотрев вниз, Кхара улыбнулась и заметила, что девочка передала ей свой запас ивовой коры. Затем Гретти с благодарным кивком взяла у хозяина кувшин с вином и удалилась.

Они остались втроем: Кхара, мужчина и стрела.

Женщина спросила:

– На кровать?

Хозяин сказал, отведя взгляд:

– Думаю, на стол.

– Как пожелаешь. – Кхара села на стол, подавшись назад и приняв удобное сидячее положение, не опуская левую руку, боясь надавить на рану. Под ее бедрами оказалась гладкая древесина. Она ощущала ее там, где задралась юбка, чуть выше задней части коленей. Огонь в плече усиливался, но Кхара продолжала сжимать кору в руке. Чем дольше она не жевала, тем больше будет пользы, когда кора окажется во рту.

– Кажется, вам совсем не больно, – удивился мужчина.

– Так и должно казаться, – ответила королева. – Нас учат терпеть. А правда, что местные разбойники смазывают свое оружие ядом?

– Возможно, – произнес мужчина. – Я осторожно подбирал слова, чтобы не нагнетать обстановку. Сердитесь?

– Нет. – Кхара хотела улыбнуться, чтобы успокоить его, но напряжение вызывало интерес, полный возможностей. Она позволила молчанию затянуться.

– Я рад. Итак. Пожелаете, чтобы крепкое вино было на вашем теле или внутри?

– Пожалуй, оба варианта.

Он кивнул и переставил бурдюк на стол в пределах досягаемости. Кхара наблюдала за его приготовлениями, следя за четкими уверенными движениями в таком маленьком пространстве. Полоски ткани были аккуратно сложены на краю стола, рядом расставлены маленькие горшочки и склянки. Когда все было готово, он поднес режущий инструмент к тому месту, где древко стрелы торчало из ее плеча.

– Нет, – сказала Кхара, пальцами удерживая его руку.

– Нет?

– То есть не так. Со спины.

Кхара не была уверена, что он понял причину ее поступка, но это и не важно, лишь бы повиновался.

– Как пожелаете, – повторил он слова, сказанные ею ранее.

Королева опустила руку. Когда он приблизился, то поднесла последний кусочек ивовой коры к зубам и начала жевать, поблагодарив Гретти.

Каким бы осторожным ни был мужчина, когда ввел режущий инструмент в ее плоть, она почувствовала лезвие. Несмотря на всю свою выдержку, Кхара не смогла унять дрожь в теле. Даже скорпиканка не могла контролировать некоторые действия. Кора приглушала боль, но ничто, кроме арканской магии, не могло устранить ее полностью.

Когда мужчина одним быстрым движением перерезал древко, Кхара почувствовала, как все внутри нее задрожало. Она услышала щелчок, резкий звук в маленьком тесном пространстве, и почувствовала, как мужчина поймал отрезанную часть стрелы, когда та начала падать. Когда он наклонился, чтобы рассмотреть сделанную работу поближе, прядь его темных волос почти коснулась ее плеча.

Прежде чем он успел подняться, Кхара схватила рукой оставшееся древко и сжала его так сильно, что ногти впились в ладонь. Она быстро выдернула то, что осталось от стрелы, и отбросила в сторону. Скорпиканка больше доверяла себе, чем незнакомцу, каким бы милым он ни был.

Она опустила взгляд на рану, чтобы проверить ее. Да, кровь вытекала свободно из узкого отверстия на расстоянии ладони над ее грудью. Она предположила, что так же обстоят дела и со спиной. Всю стрелу удалили, оставив отверстие не больше толщины тростинки. Раны были чистыми. Возможно, со временем все заживет.

Стиснув зубы, королева сказала:

– А теперь – вино.

Мужчина открыл бурдюк и вложил его ей в руку. Она поднесла его к губам и долго пила. Кхара сглотнула и поморщилась, почувствовав, как ее рот обжег не такой сладкий, как она ожидала, а дикий, резкий вкус.

– Вино паршивое, – вздохнула она.

– А я и не говорил, что оно вкусное, – ответил мужчина, крепко прижимая ткань к ее плечу. – Я сказал лишь, что оно крепкое.

Она сделала еще один долгий глоток и рассмеялась, а затем протянула емкость ему.

Пока он пил, она правой рукой развязала и сняла мягкий кожаный жилет, который был надет поверх грудных креплений, оставив обнаженными плечи и шею. Мужчина не сводил с нее глаз.

Вдвоем они очистили рану вином и водой, затем наложили повязку из мягкой шерсти, а поверх нее прикрепили более длинную полоску чистой хлопчатобумажной ткани. Последний кусок он обернул вокруг ее плеча и заправил свободный конец, проведя пальцем по кромке.

– Ночью будет кровоточить, – сказал он. – Думаю, пару часов, не больше. Завтра сменим повязку.

Его тело находилось в непосредственной близости от нее, когда мужчина обрабатывал рану. Теперь такой необходимости больше не было. Но он по-прежнему находился рядом, и она была рада этому.

Мужчина спросил:

– Вернетесь в дом на рассвете?

Пьянящее облегчение разлилось по ней, и она была готова озвучить свои мысли. Пришло время, когда оба должны были сделать выбор.

Кхара тихо ответила ему:

– Если я не уйду, то и не нужно будет возвращаться.

Мужчина сжал челюсти. Кхара видела, как он думает, что ответить.

– Учитывая вашу рану, на земле будет трудно спать, – продолжил он. – Желательно найти более мягкое место для отдыха.

– Мягкое место, – повторила королева.

Кхара с удовлетворением отметила, что его взгляд переместился на койку, лишь на мгновение, прежде чем снова встретиться с ее глазами.

Она не отвела взгляд.

Целитель сказал еще мягче:

– Но вы – королева.

Не сводя с него глаз, Кхара ответила:

– Но еще я женщина.

Затем он положил руку ей на колено, как раз там, где заканчивался разрез юбки. Прикосновение его пальцев к ее обнаженной коже оказалось довольно мягким и теплым.

Мужчина спросил:

– Вы останетесь?

Кхара положила свою руку на его запястье. Бросив короткий взгляд на дверь, она прошептала:

– А твой брат?

– Он не вернется сегодня. А ваши воительницы?

– Они останутся снаружи.

Целитель наклонился вперед и нежно, очень нежно, провел губами по обнаженному плечу, прямо над повязкой, рядом с ключицей. И сказал:

– Не хочу причинять вам боль.

Кхара улыбнулась.

– Нас учат терпеть, – напомнила она ему и, приподняв его подбородок пальцем, притянула к своим губам.

3 Путь

Следующей весной, 502 год Всея Матери

В Скорпике

Кхара

Ребенок был *макилу* – неправильно лежащий. Будет больно.

Роды, разумеется, всегда проходили тяжело. Даже у Бесплодной Королевы, хотя в предыдущих родах ей было легче, чем большинству женщин. Ее схватки проходили быстро и сильно, лишая дыхания и мыслей, но они не длились долго. Каждый из ее младенцев выходил из чрева так же естественно, как происходит линька у скорпиона, оставлял ее тело, словно сброшенную кожу, и появлялся на свет обновленным, мягким и готовым принять мир.

С этим ребенком будет не так просто. Кхара знала, что говорили и о чем умалчивали повитухи. На скольких родах она была, скольких новорожденных воительниц благословила? Скольким женщинам закрывала глаза, когда роды превращались в смерть, скольким шептала слова, направляющие их дух к великому полю битвы? Она знала лица скорпиканских повитух. Если бы Кхара была обычной воительницей, они бы бормотали, толкая ее раздувшийся живот, хмурились и качали головами. *Макилу, макилу. Осторожно.* Но для Кхары они нацепили храбрые, фальшивые улыбки, прижимая и поглаживая напряженную плоть – очертания узкого затылка, головки, плеча. *Ребенок еще может повернуться.* Она позволила им думать, что верит.

Вопль вырвался из ее горла. Путь не был открыт.

Кхара чувствовала разницу между родами, хотя прошло уже столько времени. *Макилу.*

Она протянула руку Вишале.

– Виш?

– Моя королева.

– О, только не сейчас, – сказала Кхара, с трудом выговаривая слова. – Я не королева, когда рожаю.

Тихий голос ее подруги, сладкий, как сливки, успокаивал Кхару, как и сильные пальцы.

– Мы никому не скажем.

Большинство скорпиканок рожали в присутствии толпы воительниц, черпая в них ободрения, поддержку, энергию. Когда Кхара была молода, она рожала в такой обстановке. Теперь казалось, что это было так давно. После девяти родов она не отказалась от удовольствий, но стала избирательна в выборе мужчин и фазы луны. Обряды – самый легкий, но далеко не единственный вариант. Когда кому-то нравилось получать мужское внимание и искать его, что и делала Кхара, то мужчину несложно было найти.

Но после тех девяти родов, после того как ее мать, Эллыми, назвала ее наследницей королевы, она редко искала удовольствие. У правительницы все равно было мало времени для развлечений. Ей нужно было собирать войска и генералов, обучать воительниц, принимать решения и служить гордому народу. Следующие десять лет Кхара так и оставалась остриженной, бесплодной, отрешенной.

На этот раз в затемненном шатре рядом с ней сидели только две женщины, которых она сама выбрала: Вишала, советница, которая была ей дороже всех сестер, и Бегхала, самая опытная повитуха во всей Скорпике. Бегхала ей не нравилась, но это было не важно. Одна надежда – что и она, и ребенок выживут. Если ребенок так и останется *макилу*, Бегхала единственная сможет указать ему путь.

И если только одному из них суждено было выжить, Бегхала знала, как и когда сделать выбор. Повитуха прошла обучение в Бастионе и служила на протяжении десятилетий; она уже

много чего повидала в сфере акушерства. Когда роды подошли к критическому моменту, Кхара доверилась ей и не стала медлить.

Внутри зародилась очередная вспышка боли, поднимаясь темной волной, и Кхара заговорила, чтобы отвлечься.

– Кто стоит снаружи?

– Все, – просто ответила Вишала.

Кхара начала предаваться фантазиям. Это облегчало боль, пока она рожала, позволяя разуму свободно путешествовать, пока бременное тело выполняло свою работу. Волна нарастала, растягивалась, вздымалась. Кхара сжала руку Вишалы выше запястья, опасаясь, что если крепче вцепится в пальцы Вишалы, то сломает их.

– Можете кричать, если хотите, – раздался голос пожилой повитухи, сидящей в тени.

– Я. Не. Хочу, – Кхара знала, что может кричать – она всегда кричала – но не сейчас. Женщина неуклюже опустилась на колени и сгорбилась, покачивая бедрами, надеясь таким образом открыть путь.

Она снова попыталась представить себе происходящее снаружи. Мада стояла бы рядом с пологом шатра, в ожидании вестей, одновременно напряженная и исполненная надежды. Если Кхара никогда не выйдет из этого шатра, Мада станет их королевой; как только они вернутся с Обряда Солнца, Кхара официально назначила ее преемницей. Впрочем, Кхара полагала, что если она никогда больше не выйдет из этого шатра, то ей будет все равно, кто будет править после нее.

Следующая волна боли нарастала, вздымалась, обрушивалась. Кхара представила себе воительниц позади Мады, за ней, на открытом пространстве. Десятки, может быть, сотни скорпиканок. Копшатся, делятся надеждами и слухами. Беспокойные. Несомненно, те, кто верил в Богиню Изобилия, соединяли руки в молитве, склонив головы и сохраняя спокойствие. Она знала, о чем они молятся – о дочери, но сама не питала никакой надежды. Многие из этих женщин уже девять раз молились за нее. Она стояла вот так же, сгорбившись и опустив голову, и эти молитвы падали, как семена на твердую почву, так и не пуская корней.

Путь не открывался.

Очередная сдавливающая, выжимающая боль навалилась на нее, и женщина попыталась понять, что она чувствует в центре схватки – орех внутри скорлупы. Была ли это твердая, плотная голова, которую ее тело сдавливало в направлении дневного света? Или конечности, сдавленные и спутанные друг с другом, которым некуда деться? Она не стала спрашивать повитуху. Если новости были плохими, то Кхара не хотела их знать. Ее мокрые от пота волосы, отросшие во время беременности, как того требовали традиции, лезли ей в глаза. Она проклинала их. На рассвете после рождения ребенка ее снова остригут. Если ребенок родится.

– Кхара, – прошептала Виш, которая редко называла ее по имени, даже несмотря на все годы дружбы между ними. – Вы здесь?

– Здесь, – пробурчала она, хотя перед глазами плыли звезды. – Я ушла в себя?

– Только на мгновение, – сказала Виш, но в ее голосе теперь звучало беспокойство.

Кхара поняла, что времени прошло больше, чем одно мгновение. Если бы она потеряла сознание, если бы она не смогла привести этого ребенка в мир, кто знал, что бы случилось? Кхара доверила своему телу родить девять мальчиков. Роды прошли без проблем. Теперь ее тело было другим, роды были другими, ребенок был *макилу*. Она не могла доверять своему телу. Ей нужен был рассудок.

Кхара обратилась к Више.

– Говори со мной.

– О чем?

– О чем-нибудь.

– Моя королева, я не могу, – сказала Вишала, теперь ее знакомый голос стал тверже, в нем появилась странная строгость.

– Что? – Кхара пыталась сосредоточиться. На мгновение она увидела лицо Виш: теплые карие глаза, темный ореол коротко подстриженных волос, тонкие губы, поджатые в четкую линию. – Что?

– Нет. Не я. Говорите *вы*.

Сейчас она находилась в состоянии покоя между схватками, в блаженном, ни на что не похожем ощущении, и громко рассмеялась. Конечно, ее подруга знала, что делать. Повитуха разбиралась в родах, но Вишала до глубины души знала Кхару.

– Плутовка!

Никакого ответа не последовало, что, очевидно, было сделано намеренно.

– Хочешь, чтобы я говорила, – сказала Кхара, стараясь, чтобы в голосе звучала дразнящая легкость. – В моем состоянии?

– Ей следует встать? – Теперь Вишала обращалась к повитухе, а не к ней, но обе слушали ответ пожилой женщины. Перерыв между болями был коротким, а вопрос – срочным. При следующей схватке она, возможно, не сможет подняться, даже если захочет.

– Пусть она выполняет волю своего тела, – раздался голос Бегхалы, который, казалось, доносился издалека.

Вишала спросила Кхару:

– Слышите?

– Мое тело ничего не знает, – прошипела Кхара, и, словно обидевшись на оскорбление, ее тело мгновенно подалось вперед, нарастающая волна боли обрушилась на нее, как вся мощь великого моря.

Затем королева почувствовала непреодолимое желание упереться руками в землю и высоко поднять бедра. Повинуясь порыву, она изогнула тело под острым углом, наклонившись вперед так сильно, как только могла с таким тяжелым грузом в животе. Ее темные волосы рассыпались по земле, кровь прилила к голове. Боль обхватила бедра, как железная цепь; ребенок извивался в колыбели мышц, стягивающих его, сопротивляясь каждому дюйму. Мир Кхары уменьшился до этих дюймов, и она молила ребенка выиграть битву, молила, чтобы его голова повернулась к свету.

Вишала прошептала на ухо:

– Что вы помните о нем?

Дерзкий вопрос, граничащий с запретом. Воительница свободно говорила о своих удовольствиях, если хотела, но выбор был за ней и только за ней. О подробностях нужно было говорить добровольно, а не по требованию. Кхара не стала бы отвечать на такой вопрос никому другому. Но ответ быстро слетел с ее губ. Она помнила каждого из них, начиная с того первого милovidного мальчика-пастуха из Сестии, совсем еще неотесанного юнца, и заканчивая мужчиной, с которым она вступила в связь после стычки с разбойниками и чье имя так и не узнала. Утром, как и обещал, он сменил повязку на ее ране и обработал успокаивающим жирным кремом, а затем Кхара и ее отряд отправились в путь.

– Все, – задыхаясь, сообщила она подруге, подумав, что ее голос звучит как-то мягко, но неуверенно.

– Расскажите мне.

– Выющиеся волосы. По всему телу. Огонь в глазах. – Теперь ритм ее слов стал напевом, пульсом, который нужно было слушать, и она с радостью подчинилась ему, когда боль снова обрушилась на нее, заставляя снова опустить бедра. Королева выпрямилась, напрягаясь. – Соленый вкус. Сильные руки. Сильные бедра. Никакого страха. – Кхара не стала говорить, но вспомнила – с изысканной ясностью – удивительную легкость их связи. Не было ни настороженности, ни нервных моментов, ни застенчивости, свойственных молодым. Они оба

были в том возрасте, когда можно держаться уверенно, и каждый из них знал, чего хочет другой. Все было понятно. Мужчина предложил себя, и королева приняла его, задав ритм, который тот быстро поддержал. Кхара не сводила с него глаз, когда он застонал. Ни один из них не отвел взгляд.

Его стон слился со стоном, вырвавшимся из нее, когда тело боролось с ней, ребенок боролся с ней. Снова поплыло сознание, и тогда она вцепилась в руки Вишалы, как будто только они удерживали ее на этом свете, а потом завывла звериным воем.

Ребенок приближался.

Где Бегхала? – хотела спросить Кхара, но слова испарились, дыхание пропало, мир исчез. Она держалась. Боль угрожала лишить ее мира, вышвырнуть через все пять ворот Подземья в черную тьму.

На ее животе лежала рука – рука ли? Была ли внутри нее рука или иная масса мышц и костей? Ребенок или повитуха? Она выплеснула свою боль в вой, и ей было приятно кричать. Больше Кхара ничего не могла делать. Момент настал.

Теперь ее тело было телом животного, и она подумала о священном скорпионе, в честь которого был назван ее народ и их герой. Об его хвосте, поднимающемся для удара. О том, как ничто не может остановить это ядовитое жало, как только оно приходит в движение, и было ощущение, что яд проникает в ее мышцы и сдавливает не только родовой портал и кости ребенка, запертого внутри, но и сердце, ее бедное сердце. А затем раздался сильный, отдающийся эхом звук, и почти в тот же момент, казалось, она услышала плач.

– Моя королева, – сказала Вишала у ее уха удивленным голосом. – Ваша дочь пришла.

* * *

Рассветный луч ласкал стены шатра, когда она услышала радостные возгласы бойцов снаружи. Родилась новая воительница, и Бесплодная Королева больше не заслуживала этого титула. Сама мысль об этом вызвала улыбку у Кхары. Напевая приятную, успокаивающую мелодию, Бегхала одним легким взмахом серебряного родильного клинка разрешила соединяющие их путы, а затем помогла Кхаре облачиться в свободную одежду из конопляной ткани, которая согревала ее, но не скрывала тело от ребенка. Теперь дитя спало на груди матери, закрыв глаза, маленькие плечи вздымались и опускались от усилий первого дыхания.

Полог шатра открыла Вишала, когда вернулась после оглашения, передвигаясь практически бесшумно. Она опустилась на колени рядом с Кхарой.

– Моя королева, время пришло.

– Полагаю, теперь я снова королева, – тихо сказала Кхара, не желая тревожить ребенка.

– Так и есть, – согласилась Виш, – и спустя много лет, когда вы устанете, рядом будет следующая королева.

– Благословляю тебя, – произнесла Кхара.

Виш пожала плечами.

– Скорпион благословляет вас. А я же просто буду рядом.

– И мы со Скорпионом благословляем тебя за это.

Виш потянулась к родовому клинку. Янтарная рукоять имитировала гребнистое тело смертоносного скорпиона, а изогнутое лезвие сверкало в предрассветном свете серебром – творение давно умершей оружейницы.

– Вы готовы?

– Готова.

Виш опустила клинок к шее Кхары, взяла в правую руку пучок волос и начала отрезать темные локоны. Восход солнца был самым благоприятным временем для обстригания воительницы, а после родов – тем более. Ребенок был в безопасности. Мать была снова готова к

бою или скоро будет готова. Та нежность, которая была присуща ей, пока она носила и растила ребенка, таяла. Кхара закрыла глаза и откинулась назад, позволяя каждому локону волос упасть на землю, слыша их шепот, когда они приземлялись. Ей уже становилось легче. Королева была удивлена, насколько бодрой она себя чувствовала, даже после мучительных схваток, даже после паники и страха. Ребенок, должно быть, повернулся, по крайней мере, частично, прежде чем появиться на свет. Бегхала сказала, что Кхара даже не порвалась. Крови было много, но так было всегда. Кровь, пропитавшая землю, будь то от рождения или от битвы, питала Вечного Скорпиона, их полубессмертного героя. У Богини Изобилия были свои дни, но годы воительниц принадлежали Скорпиону.

Закончив, Вишала положила изогнутый родовой клинок в багровый кожаный футляр, чтобы вытереть его и отточить до остроты, а затем благословить и хранить до рождения следующей скорпиканской воительницы.

– Все хорошо, моя королева?

Кхара поворачивала голову в разные стороны, наслаждаясь ощущением прохладного воздуха на ушах и шее, чувством свободы.

– Да.

Полог шатра отодвинули, и вошла знакомая фигура. Мада оделась в обмундирование воительницы – распашную юбку и жилет из мягкой кожи, который не стеснял движений на охоте. Не поднимая глаз, Кхара поняла, что это она, и рассеянно улыбнулась, переключив свое внимание на дочь. Ребенок вздохнул во сне и прижался круглой, мягкой щекой к груди матери.

– Королева, – сказала Мада. Одно слово, тысячу раз она говорила его Кхаре, но так – никогда. Никогда без предшествующего слова моя, обозначающего ее верность, ее преданность. И Кхара все поняла по голосу. Это не был ее привычный голос. Не теплый, уважительный тон протезе, а что-то совсем другое.

Что-то было не так...

Тело Кхары, такое расслабленное всего мгновение назад, начало гудеть от напряжения. Внутри у нее заныло от ужаса, и она подняла голову. Настоящая воительница способна прочесть намерения врага в одно мгновение, и хотя Кхара никогда раньше не считала Маду врагом, посыл тела молодой женщины был безошибочен. Сжатые челюсти, стиснутые кулаки, опора на ступни. У королевы мелькнула мысль о том, что Мада что-то задумала, чтобы хоть как-то объяснить ее гнев. Кхара отчаянно надеялась, что ошибается.

Мада сразу, без предисловий, заговорила:

– Я произношу Слова...

– Нет! – Кхара еще никогда так не сожалела, что оказалась права. Мада злилась, а злость превращает воительниц в глупцов. Какая утрата – но, возможно, еще не слишком поздно.

Королева с трудом поднялась на колени, затем на ноги, вытянув ладонь, которой не придерживала ребенка, по направлению к молодой женщине. Она боролась с приливом головокружения, которое грозило повалить ее обратно на землю. Момент был решающим. Кхара не могла проявить слабость, не сейчас.

Вишала шагнула вперед в маленькое пространство между ними.

– Мада, нет.

– Я разговариваю не с тобой, советница, – сказала молодая женщина, и в ее глазах вспыхнул огонь. Правая рука опустилась на рукоять короткого меча, висевшего у нее на поясе. Кожаный ремешок, который обычно закрывал ножны, болтался свободно; при желании она могла выхватить меч в мгновение ока, а Мада прекрасно владела мечом. Вишала сказала низким голосом, почти рыча:

– Ты знаешь, что я буду защищать свою королеву.

– А ты знаешь, что королева обязана по долгу чести не принимать твою защиту, – сказала Мада. – Она должна защищаться сама.

Виш взглянула на Кхару.

Кхара кивнула с уверенностью, которой не чувствовала, и обратилась к молодой воительнице:

– Прежде чем сделать это, Мада, подумай. Назад дороги нет. Подумай о своей дочери. – Тамуре было уже одиннадцать лет, и с каждым днем она набиралась мастерства и силы, явно превращаясь в настоящую воительницу с железной волей. Какое бы оружие ни давали ей в руки, она осваивала его и любила. Она так похожа на свою мать.

Мада не отступала.

– Я думаю о своей дочери.

– Ты оставишь ее сиротой.

– Я сделаю ее королевой.

Вишала снова вмешалась:

– Кто-то другой должен быть вашим секундантом. Кто заступится за вас? Кто докажет, что вы способны править?

Кхара знала, что Виш права – церемония Вызова требовала подобного шага, но в то же время, если настаивать на соблюдении протокола, то ничего не изменится.

– Я не буду просить, – устало сказала королева. – Сама смогу доказать свое право. Когда-то я выбрала ее своей преемницей. Если я буду утверждать, что она не подходит, то выставлю себя в глупом свете.

Мада кивнула в ответ, но не в знак благодарности, а лишь в знак одобрения. Кхара видела неизбежность. Долгие годы правление Скорпикой мирно переходило от матери к дочери, но любой королеве грозил Вызов. Таков был закон страны. Нельзя было бросить Вызов королеве, пока она носила длинные волосы в честь растущей внутри нее жизни, но сейчас, в эту самую минуту, Кхара была острижена. Любой мог бросить ей Вызов. И был только один исход. Одна из них выйдет из этого шатра королевой Скорпики, а другая будет предана земле.

Когда она объявила Маду своей преемницей, то использовала официальные слова, передаваемые из поколения в поколение. *Поскольку у меня нет кровной наследницы, я выбираю себе преемницу по имени. Она будет командовать, когда оставлю этот мир и уйду на поле битвы.* Но теперь кровная наследница была, и указ мгновенно утратил силу. Новорожденная дочь – настолько новорожденная, что ей еще не дали имени, – все изменила.

Мада произнесла:

– Тебе, Кхара дха Эллими, обращаю Слова Вызова.

– Мада дха Шодрея, я не желаю их принимать.

– Не желаешь? Какое мне дело до твоих желаний?

– Пожалуйста, – умоляла Кхара более спокойно, – пожалуйста. – Ребенок снова зашевелился в ее руках, ища тепла, ища ее сердце.

– Вызов брошен, – сказала Мада, ее лицо было бесстрастным, каждое слово – как лезвие. Ее рука все еще лежала на рукояти меча. – Сражение или отказ.

– Я не уступлю.

Вишала вмешалась:

– Мада! Она только что родила! Где же твое милосердие?

– Она острижена, верно? – Мада указала на упавшие на землю локоны. – Ты обещала мне королевство. Я готова возглавить его. И не позволю нарушить данное слово. Королева, получившая Вызов, выбирай время.

В душе Кхары зародился ужас. По закону Вызова она имела право выбрать любой день или время до трех восходов солнца. Выбор оружия также принадлежал ей. Королевы, которым бросали Вызов, чаще всего побеждали, по крайней мере, так гласили истории; но о королевах, которым бросали вызов на рассвете после родов, Кхара не могла вспомнить ни одной легенды. Мада решила произнести слова, которые невозможно оставить незамеченными.

Теперь выбирать настала очередь Кхары – из всех возможных вариантов. Поэтому она сделала единственный выбор, который только можно было сделать. Единственный путь вперед. Любой другой вариант означал верную смерть; только этот выбор означал смерть чуть менее верную. Скорее всего, она все равно умрет, но умрет, сражаясь, как подобает воительнице.

Так что Кхара поднялась сквозь цепкую пелену боли, ее первый шаг был неуверенным, и передала Вишале новорожденную малышку с пушистой головкой. Ребенок слабо плакал во сне, блеял, как козленок, а потом прижался к плечу другой женщины. Кхара не могла смотреть Вишале в лицо. Но Мада была слишком хороша в стратегии, слишком хорошо владела большим количеством оружия; если она даст молодой женщине шанс спланировать их битву, то наверняка проиграет. И поэтому...

– Я выбираю *сейчас*, – прошипела Кхара и одной рукой выдернула родовый клинок из-под ткани, а другой нанесла удар в живот Мады, сбив молодую женщину с ног и повалив ее на землю.

Вишала вскрикнула и отпрыгнула от сражающейся пары, обеими руками обхватив и укрыв безымянного новорожденного ребенка. Бегчала покинула шатер. Кхара смутно различала их движение, но, убедившись, что они вне досягаемости, сосредоточила всю свою энергию и внимание на поединке. Она представила, как разрывает пелену боли, окутывающую ее, распахивает ее, как полог шатра, и шагнула сквозь щель на свет, чтобы увидеть свой путь. Ее противник не тратил дыхание на возражения или шок, а просто реагировал, дрался, готовясь довести их бой до быстрого, смертельного конца.

Мада, конечно, поступила умно: вместо того, чтобы преодолевать натиск Кхары, воспользовалась инерцией, уже собираясь вынуть свой короткий меч, делая перекат к дальней стороне шатра.

Кхара бросилась на Маду, прежде чем та успела встать, и изо всех сил ударила молодую воительницу по правому запястью, не давая ей возможности вытащить меч в решающий момент. Она знала, что в таком тесном помещении не сможет выставить свой клинок для удара, но все равно выставила его. Как она и надеялась, Мада сделала движение, чтобы заблокировать удар, и Кхара резко нанесла удар локтем в мягкую впадину горла Мады, заставив ее задыхаться. Кхара тоже тяжело дышала, боль в ее душе распространялась наружу, как жар от костра, но она собрала все оставшиеся силы, понимая, что даже этого может быть недостаточно.

Теперь элемент неожиданности исчез. Силы были равны.

Мада отпихнула Кхару и перекатилась на ноги, упираясь в стену шатра, но все-таки ей хватило места для маневра. Меч оставался в руке. Женщины были в полной боевой готовности. Воительница против воительницы.

Они обменивались ударами и парировали, без единого звука. Слышно лишь дыхание. Удар справа, удар слева, подсечка в живот, прыжок, жесткое движение, быстрое вращение. На каждую атаку был ответ, на каждую стойку – уклонение. Выбор Кхары в пользу мгновенного боя лишил Маду возможности облачиться в доспехи, и хотя ее собственная накидка не обеспечивала реальной защиты, она, по крайней мере, скрывала ее фигуру. Поэтому следующие удары Мады бессильно пробивали ткань вместо того, чтобы встретиться с плотью. Но родовый клинок был не длиннее ладони; он был смертельно острым, но маленьким. Кхаре пришлось бы подойти ближе, гораздо ближе, чтобы нанести хоть какой-то удар. До сих пор Мада держала ее на расстоянии. Подходить вплотную было бы рискованно, тем более что движения ее неизбежно замедлялись.

Она чувствовала, как кровь, которую нельзя было терять, струйками стекает по внутренней стороне бедра, колена, лодыжки. По крайней мере, она будет скользкой из-за крови, если Мада попытается схватить ее и удержать на месте. Может, стоит напасть?

Короткий меч пролетел по воздуху так близко к ее уху, что Кхара услышала свист.

У Мады был дар стратегии, но Кхара знала, что здесь не нужна никакая стратегия: просто измотать истекающую кровью, ослабленную королеву до полного бессилия. Вот и все. Силы Кхары быстро иссякнут, она и так была на последнем издыхании, и одной ошибки будет достаточно, чтобы покончить с ней. Даже то, что ей удалось прорваться так далеко, было маленьким чудом. В Скорпике чудес не бывает.

Пока что обе стояли на ногах. Мада заставила ее отступить назад, размахивая мечом, от которого Кхара вынуждена была уклоняться, по дуге, и направляя ее к центральному шесту шатра. Она уклонилась влево, чтобы избежать столкновения. Затем молодая женщина принялась наступать все быстрее, быстрее, ее клинок вращался слишком быстро.

Возле входа в шатер раздался резкий крик ребенка, расколовший воздух.

Лишь мгновение, но Кхаре было достаточно и этого. Мада слегка повернулась в сторону звука. Вес ее левой ноги сместился в сторону. Локоть правой руки слегка приподнялся.

Сейчас.

Кхара резко подалась вперед, зарычала, нырнув, взмахнула рукой с ножом, вкладывая всю оставшуюся в теле силу в удар короткого изогнутого лезвия родильного клинка, всаживая его под нижнее ребро молодой воительницы.

При первом ударе мягкая плоть не оказала сопротивления, и лезвие погрузилось до конца. Когда тело Мады навалилось на лезвие, Кхара продолжала тянуть его вверх, желая, чтобы в последние мгновения рука сохранила силы для смертельной схватки. Острый изгиб родильного лезвия вскрыл живот Мады на длину большого пальца, потом двух, потом трех, под кожей обнажились красные и блестящие внутренности.

Кхара падала, Мада падала. Мада кричала от боли, размахивала коротким мечом, даже когда умирала. Клинок плашмя ударился о висок Кхары и отскочил, его удар резонировал в ее черепе, и она дико взмахнула свободной рукой, руководствуясь инстинктом. Меч выпал из руки Мады, проскользил по земле и остановился у шеста шатра, поднимая слабую пыль. Обе женщины упали на землю, но не рядом.

Мир Кхары взорвался мерцающей тьмой.

На мгновение ей показалось, что она умерла. Ни звука, ни света, ни дыхания. Возможно, сейчас она была на пути к полю битвы, где предки встретят ее угощением из мяса оленя и кабана и вином из лилий. Она хорошо сражалась. По крайней мере, это действительно было правдой.

Но потом снова раздался шум. Детский плач.

И она могла видеть. Неподвижное тело Мады лежало в нескольких футах от нее, а лицо было милосердно скрыто от глаз. В шатре уже стоял запах крови, но эта новая кровь, более свежая, похожая на металл, была ошеломляющей. Скорпион полакомится и этой кровью, так много ее впиталось в землю, так много жизни, которая могла бы существовать, но теперь оборвалась. Битва была окончена.

Опустившись на землю, Кхара смотрела на крышу шатра, слыша плач ребенка и собственное неровное дыхание. Все тело болело – и сердце, и голова, и рука, которую она рассекла, когда, как глупая, отбила падающий меч. Но она была жива. И будет оплакивать смерть Мады – весь этот утерянный потенциал, воительницу, которая могла бы так верно служить своему народу, – но уже не сегодня.

Ребенку необходимо дать имя. Когда Кхара лежала на спине в кровавой грязи, имя само пришло к ней. На древнем языке, в заклинаниях, которые воительницы шептали до и после битвы, чтобы призвать силу Скорпиона, было слово для обозначения любимого клинка: *аманкха*. Это не имя, но могло им стать. Да. Подойдет.

Аманкха дха Кхара, дочь Кхары. Ее дочь. Ее собственная дочь.

Дочь, чей крик услышала уже не бесплодная королева. Голодная.

Теперь появилась Виш, опустившись на колени рядом с ней, ее голос был наполнен облегчением.

– Вы нужны вашей дочери, – сказала она и положила ребенка на грудь Кхары.

Словно в подтверждение ее слов, рот ребенка нащупал сосок. Кхара не думала, что у нее хватит сил сдвинуться с места, но все-таки подняла руку. Ладонь обхватила затылок ребенка, направляя его. Пока малышка кормилась, Кхара держалась. Крошечный череп в ее руке был обвинением, обещанием, головокружительной возможностью. Это хрупкое, голодное создание было будущей королевой Скорпики – если Кхара сможет продержаться достаточно долго, чтобы сохранить для нее королевство, пока девочка не достигнет совершеннолетия.

– Я сообщу воительницам об исходе, – сказала Вишала и, широко распахнув створки шатра, вышла в утро. Теплый ветерок всколыхнул затхлый, кровавый воздух, обещая что-то новое. Кхара повернула голову, чтобы посмотреть, как уходит ее подруга. Веки отяжелели, сердце сжалось.

Наряду с кусочком голубого неба, через открытый полог она увидела толпу, которая еще час назад ликовала по поводу рождения единственной дочери их королевы, непредвиденного благословения. Теперь они стояли в ожидании, мрачные, с каменными лицами. Все они носили оружие, в чем не было ничего необычного, как и большинство воительниц, – оружие для охоты, для тренировок, для бахвальства. Но оружие можно было использовать в любых целях, и сейчас оно выглядело как угроза.

Ближе всего к шатру стояла группа молодых воительниц, тренировавшихся с Мадой, которые по мере своего взросления больше склонялись к Кхаре. Когда Вишала скажет им, что Мада умерла, а Кхара жива, будут ли они шипеть от разочарования или кричать от радости? Сейчас была последняя минута перед тем, как они узнают. Одна потирала лицо ладонью, другая скрестила руки, расставив ноги и озираясь. Сколько из этих женщин были преданы Маде, а не ей? Сколько из них, теперь, когда королева получила Вызов, будут следующими в очереди, чтобы самим произнести Слова Вызова?

Кхара думала, что после рождения ребенка *макилу*, что бы ни случилось, она сможет отдохнуть.

Теперь она поняла, что больше ей не будет покоя.

4

Целительница

В деревне Адаж, Арка

Джехенит

Пустынное небо Арки было усеяно звездами. Джехенит, благодарная им за яркий свет, целенаправленно передвигалась с крыши на крышу по закопченным домам своей деревни, подсчитывая крыши, чтобы знать, куда идти. Она была благодарна и за вечерний ветерок, и за то, что он привел ее от собственного дома к дому незнакомки. Но ей мешало непослушное тело. Ее распухшие ноги волочились, как кирпичи, каждый шаг давался с трудом, тяжесть огромного живота наклоняла ее вперед и заставляла поджимать колени. Еще год назад, будучи взрослой и замужней женщиной, прожившей на земле более двух десятков лет, она могла легко скакать по этим крышам, как ребенок. Теперь же унижение, вызванное тяжестью движений, раздражало ее до крайности, а ведь когда-то она была очень терпеливой.

При достаточном количестве песка и жизненной силы, объединив свои таланты и умения, маги Арки могли сделать почти все. Сама Джехенит уже залечила бесчисленные раны, приделала полдюжины пальцев, вернула здоровье не одному ребенку, находившемуся на грани смерти, так же легко, как делала вдох. Не каждая женщина в Арке могла щелчком пальцев вызвать свет десяти тысяч ламп, как это делала самая талантливая чародейка деревни, но почти все были рождены для какой-то магии. Огонь, земля, воздух, вода, тело или разум. Каждая арканка для достижения какой-то цели определенным образом могла использовать одни из этих чар, в соответствии со своим талантом. Могла быстро высушить мокрую одежду, усмирить резкий ветер, успокоить капризного ребенка, а также охладить воду или согреть ее, без огня разжечь очаг.

И все же ни одна из них не могла заставить ребенка родиться, когда он не хотел этого.

Когда Джехенит достигла пятой крыши от конца рыночной дороги, то остановилась и посчитала еще раз, чтобы не ошибиться. Дома здесь были маленькие и узкие – камни и черепки, определявшие их границы, находились плотно друг к другу. Создавалось впечатление, будто Велья, Богиня Хаоса, сжала три дома обычного размера между своими ладонями и превратила в один.

Сама Джехенит была небогата, но для себя и мужей она держала недалеко от центра деревни дом вдвое больше, на три уровня в глубину. Им пользовалась ее мать, главная целительница до нее, которая завещала его своей преемнице. Оставалось надеяться, что у ребенка в ее животе будет такой же дар. Джехенит ежедневно просила Велью о том, чтобы малыш согласился оставить свое удобное место и согласился выйти в мир. Словно в ответ, ребенок повернулся внутри нее – острый локоть или колено больно растянули кожу – и занял новое положение, прижавшись к тазу Джехенит.

Чтобы попросить разрешения войти, она не могла опуститься на колени и постучать в дверь, поэтому пробормотала извинения под нос и постучала ногой по деревянной поверхности.

В ожидании Джехенит размышляла о доме. По крыше можно было многое понять. Дом недавно подметали, поэтому, несмотря на его компактные размеры, он был чистым и аккуратным, за ним хорошо ухаживали. У того, кто здесь жил, не было ни денег, ни статуса; никто, у кого было и то, и другое, не стал бы жить так далеко от центра деревни. Но целители не брали денег за свой труд, поэтому не имело значения, сколько могла заплатить здешняя женщина. Кроме того, у Джехенит больше не получалось заснуть. Как бы она ни ложилась, не было такого положения, в котором ребенок не давил бы на какой-то жизненно важный орган. Если Джехе-

нит не могла отдыхать, то могла бы работать и приносить кому-то другому покой, которого не могла обрести сама.

Деревянная дверь рядом с ее ногами наконец-то распахнулась, заскрипев петлями. Она посмотрела вниз, в квадратный, темный проем.

Два лица смотрели на нее снизу. Приблизившись, Джехенит увидела на лестнице мальчика, длинные ресницы которого трепетали на щеках. Ниже, в полутьме, она разглядела женское лицо. Их сходство подсказывало, что это сын и мать.

Джехенит все еще задыхалась от усталости, и ей потребовалось мгновение, чтобы обрести голос.

– Мне сказали, что здесь нужна целительница. Могу ли я войти?

Внутри мерцала и покачивалась лампа, и лицо женщины вырисовывалось все четче. Теперь Джехенит могла разглядеть мрачный желтый оттенок ее гладкой, без морщин, кожи. В темноте ее лицо почти светилось.

– Пожалуйста, – сказала женщина. Затем, спустя мгновение, добавила: – Извините, мне нужно прилечь.

– Конечно.

Мальчишка отошел в сторону. Джехенит подтянула свою тунику длиной до колен и завязала ее узлом на одном бедре, чтобы не занимать руки и ничто не мешало сгибать колени. Ей нужны были обе руки, чтобы ухватиться за деревянные поручни. Она начала осторожно спускаться по лестнице, ставя обе ноги на каждую перекладину, убеждаясь в устойчивости, прежде чем ступить на следующую. Джехенит знала, что лестница в каждом доме сделана таким образом, чтобы в случае необходимости выдержать вес всего дома, но все равно боялась, что лестница может не выдержать ее.

Когда она добралась до самого низа, с облегчением ощутив под сандалиями плотную землю, то осмотрела полутемную комнату. Здесь не было почти ничего, кроме низкой кушетки, выцветшего ковра, стола из песчаника и мерцающей лампы. Одна из стен была увешана канделябрами и полками, которые вмещали все необходимое для хозяйства, пару кувшинов и мисок. На самой высокой полке находилась самая обычная домашняя статуэтка Вельи, в одной руке – лед, в другой – огонь.

Женщина опустила на кушетку и закрыла глаза, ее рука свесилась на ковер с выцветшими узорами ржаво-красного и медно-коричневого цвета.

Джехенит провела двумя пальцами по запястью женщины и нащупала пульс, не такой слабый, как она ожидала. Божьи кости, как же неудобно было сидеть на полу, колени скрипели, живот покоился на быстро устающих бедрах. Когда все закончится, чтобы подняться, ей придется просить помощи у мальчика. А потом еще и лестница. Женщина подавила негодование и заставила себя сосредоточиться.

– Сестра, какая у тебя магия? – спросила она.

– Разве это имеет значение? – Ответ был оборонительным, резким.

– Я только хотела уточнить, – пояснила Джехенит, – какие чары ты использовала в последнее время, может быть, что-то более сильное, чем обычно. Некоторые женщины истощают свою жизненную силу, сами того не желая. Такое возможно?

Женщина вздохнула и повернулась лицом к стене.

– Я всего лишь слабый маг воды, – сказала она. – Брось меня в дюны не отмеченной на карте пустыни, и я к закату заполню три колодца. Но здесь, где нет воды, я бесполезна.

– Ты не бесполезна, ма, – сказал мальчик, но его слова прозвучали так, словно он уже высказывал подобный протест – никакой уверенности в голосе.

Джехенит перенесла свой вес на колени, что хотя бы сняло напряжение в ноющих лодыжках, но вызвало новое напряжение в других местах. В животе ощущались легкие вибрации, одна боль сменяла другую по кругу ее утробы, словно там играли лисята. Она снова перемести-

лась вбок, но облегчения не последовало. Нахмутив брови, она попыталась сосредоточиться. Окинула взглядом комнату, ища подсказки о состоянии женщины.

Что еще может вызвать такую сильную слабость? Нечто в ее еде или питье? Может быть, другой маг лишила ее жизненных сил, случайно или с умыслом? Джехенит и раньше сталкивалась с подобным. Она и сама так поступала, не имея на то намерения, в самом начале. Как и в любом другом деле, для хорошего владения магией нужна практика.

Ее взгляд остановился рядом с висящей рукой больной женщины; цвет ковра там изменился. Джехенит осторожно прикоснулась к нему кончиками пальцев. Влажно. Поднесла мокрые пальцы к носу, но не было ни запаха пота, ни запаха мочи. Странно. Может, это как-то связано с магией воды? Неужели она солгала о природе своих способностей?

– А это что? – спросила Джехенит, показывая пальцем. Ни женщина, ни мальчик не ответили.

Джехенит уточнила:

– Вот это мокрое место на ковре. Возможно, лихорадочный пот. Как давно оно появилось?

– Это не... – Мальчишка замялся, глядя из-под длинных ресниц в сторону.

Джехенит озадаченно опустила взгляд на влажный ковер. Слишком далеко от кушетки, чтобы попасть туда, если судить по обстановке. Почему же она не заметила его, когда только присела? Затем почувствовала, что нижняя часть ее туники прилипла к бедрам. Она тоже была мокрой. Все встало на свои места. Мальчик не хотел говорить ей, откуда взялась вода, потому что ее источник – она сама.

Отошли воды.

Она думала, что толчки в ее теле – это обычные боли и протесты, но, похоже, так и не поняла, чем они были на самом деле: началом конца. Наконец-то, и в самый неподходящий момент, ребенок должен появиться на свет.

Джехенит начала подниматься на ноги, пытаясь опереться своим весом о стол из песчаного кирпича, но спазм пронзил ее живот и лишил дыхания. У нее отказали руки. Она подавалась вперед. Свободного места не было, и она едва не ударилась подбородком о стол.

Джехенит опустилась на пол. А потом услышала, как больная женщина задыхается.

Она почувствовала, как мокрая шерсть поцарапала ее щеку. Поджала колени, тело извивалось, даже когда боль распространялась повсюду.

– Ребенок, – простонала она.

– Тебе нужна помощь? – спросила слабая женщина, хотя не двигалась. – Может, позвать другую целительницу?

– Некого звать, – сказала Джехенит, каждое слово давалось с трудом, и ею овладела еще одна внезапная судорога. О том, чтобы встать, и речи быть не могло. Она даже не чувствовала своих ног. Нельзя тратить силы на борьбу с болью. Придется терпеть. К тому же, если забрать боль из тела, ее придется куда-то девать. Она не хотела мучить ни женщину, ни мальчика. Боль принадлежала только ей. Пальцы немощной женщины пробежали по тыльной стороне ее руки, а затем переплелись с пальцами Джехенит. У нее не было сил поддержать ее, но она дала Джехенит возможность за что-нибудь ухватиться, и этого было достаточно.

Джехенит тяжело дышала сквозь волны схваток, а женщина держала ее за руку и слабым голосом подбадривала; сколько прошло времени, она не знала. Вечность или мгновение. Пошел ли мальчик за помощью? Вернется ли он? Она не видела ничего за пределами небольшого коврика, на котором лежала. И никогда прежде не чувствовала такой боли и теперь изо всех сил старалась принять ее. Говорили, что если ее принять, если смириться с ней, то станет легче.

У нее никогда не рождались живые дети. Те, что не выжили, были маленькими, недоношенными, почти не сформированными. Их было двое, по одному от каждого мужа, и Джехе-

нит лишь раз взглянула на них, прежде чем их маленькие тела были завернуты в ткань для погребения в очаге. Насколько она помнила – а она старалась не вспоминать, – рожать их было легче. Конечно, было больно, но другие целительницы были рядом, чтобы помочь. Всего пять лет назад их было полдюжины, владеющих целительной магией, включая обеих ее сестер, и все они были наделены ценной силой. Теперь в деревне осталась только Джехенит. Если бы этот ребенок не был девочкой, если эта девочка не станет целительницей, род Джехенит угаснет. Она боялась, что это обречет на гибель и ее деревню.

Наконец, в изнуряющей, изматывающей боли, которая могла длиться минуты, часы или дни, она почувствовала что-то похожее на толчок. Целительница поняла, что это ребенок пробивает себе дорогу в мир. Головка вышла. Затем еще боль, и еще один толчок – плечи, тело? Какое-то мгновение ничего не происходило.

В один миг комната залилась ослепительным голубым светом, искры рассыпались яростным сияющим *потоком*.

Джехенит сразу же закрыла глаза, но все еще могла видеть ошеломляющую, обжигающую яркую вспышку вокруг. От света не исходило тепла, только дождь голубых искр и сокрушительная сила, которая с жутким воем высасывала воздух из груди Джехенит.

Если бы ей хватило воздуха, она бы закричала.

Свет исчез так же внезапно, как и появился; не померк, а просто исчез. Осталось только слабое свечение лампы, как будто все это ей привиделось.

Тяжело дыша, Джехенит боролась за воздух. Задышалась и больная женщина на кушетке, но обе они молчали. Теперь она услышала сердитый вопль новорожденного и потянулась к корчащемуся тельцу между ее раздвинутых бедер. Она не увидела никаких ран ни на маленьких, все еще согнутых ручках и ножках, ни на его лысой багровой головке. На коже новорожденного была только кровь матери.

Ее матери.

Девочка заплакала. Поток голубых искр не заставил ее замолчать, как это случилось с женщинами. Джехенит слышала слабый плач в стороне. Скорее всего, это был мальчишка, но она не видела его со своего места, боясь даже повернуть голову.

Прохладный ночной ветерок обдувал ее, охлаждая горячую кровь на бедрах, и она поняла, что квадратная дверь на крыше была распахнута. Или нет? С верхней ступеньки лестницы, с квадратной площадки, открытой для звездного неба, проникал ночной воздух.

Наконец больная женщина смогла найти слова:

– Что *это* было?

– Сухая гроза, – произнесла Джехенит, и эта ложь с удивительной быстротой сорвалась с ее губ. – Но все закончилось.

Все еще находясь в оцепенении, женщина, казалось, была удовлетворена ответом.

Тогда Джехенит впервые поклялась себе, что никто не узнает правды, и в последующие годы она будет клясться в этом снова и снова. Никто не должен знать.

Это сделала малышка.

Ее долгожданный ребенок оказался девочкой, как она и просила, но не той, которую хотела Джехенит. Более чем вероятно, что она никогда не станет целительницей. Она владела всеми видами магии.

Теперь Джехенит понимала, что ей следовало лучше молить Велью о желаемом. Велья была Богиней Хаоса, в конце концов. Она давала желаемое так, что ты больше не хотел этого.

И хотя было уже слишком поздно, Джехенит желала – с яростным огнем всех тех голубых искр, которые ее новорожденная принесла в мир, – чтобы девочка оставалась в ее теле хоть немного дольше. Чтобы прожить еще один день в мире, где все иначе. Всемогущая девочка. Гораздо хуже, чем отсутствие девочки, отсутствие ребенка.

Плач ребенка затихал, сменяясь каким-то другим звуком. Ее блуждающий взгляд оторвался от лица матери и заскользил по тусклой свободной комнате. И то, что вырвалось из ее беззубого рта, было жутко похоже на смех. Руки беспорядочно порхали, исследуя воздух.

Джехенит могла бы поклясться, что на пухлых, покрасневших кончиках пальцев девочки она увидела призрачные следы еще нескольких голубых искр, вылетевших из небытия и вернувшихся обратно.

Хвала Велье. Будь проклята Велья. Всемогущая девочка. Никто не должен узнать правду.

5

Сдерживающая магия

Пять дней спустя

Джехенит

Джехенит не переставала думать о Дворце Рассвета.

Через пять дней после того, как она родила свою всемогущую дочь, Джехенит очнулась от беспокойного сна: рука мужа обхватила ее бедро, и она не знала, кто это – Косло или Дарган. В голове царило непроглядное облако, и так было уже несколько дней. Малышка Эминель спала мало, а Джехенит – еще меньше. Она всегда была измотана, но не из-за ребенка. Вернее, не из-за криков или из-за того, что девочку нужно было кормить и укачивать, чтобы она снова заснула.

Каждый раз, когда она лежала на этой подстилке, ночью или днем, при свете или в темноте, этот образ настойчиво возникал за ее закрытыми веками. Дворец Рассвета сверкал золотом, его изгибы и колонны из песчаника были высечены прямо из гладкого горного склона, его шпили и арки вздымались ввысь. Парадные ворота вырисовывались в тени. Затем волна копошащихся существ хлынула вниз по ступеням и на песок, словно жуки, уродливые, черные и низкие. В горле застучал пульс, готовый задушить ее. Ищейки. Они придут.

Настоящие Ищейки были женщинами, а не жуками, и Джехенит никогда не видела Дворец Рассвета своими глазами, но видение не покидало ее. И его смысл невозможно было исказить. Если им повезло, то первый всплеск силы с голубыми искрами ускользнул от внимания дворца. Если нет, то Ищейки, возможно, уже на подходе.

Каждая королева Арки, начиная с самой первой, Крувесис, рождалась всемогущей. В песнях говорилось, что такие маги происходят от самой Вельи, дочери мужчины, настолько прекрасного, что даже божественная Хаос страстно захотела обвить ногами его талию. Всемогущество не передавалось только в определенных матрикланах, но появлялось неожиданно, как и подобает дару Хаоса. Независимо от того, где и у кого она родилась, каждая всемогущая девушка имела равные права на трон. Поэтому королевы Арки относились к всемогущим девочкам нового поколения отнюдь не с праздным любопытством.

Все считали, что самые одаренные Ищейки, самые быстрые и меткие, работают во дворце, чтобы отлавливать всемогущих девочек. Но даже разговор о такой сильной магии казался опасным риском здесь, в широких пустынных просторах Арки, где собственная магия и магия соседа часто создавали тонкую, хрупкую стену между жизнью и смертью.

Особенно в такой вымирающей деревне, как Адаж, лучшие времена которой остались в прошлом. Когда-то здесь жила дюжина целительниц, по словам старух способных справиться с любой бедой, вылечить любого раненого. Когда-то, по их словам, здесь жила заклинательница земли, которая вырастила яблоню прямо в центре своего дома и через крышу, и каждый день ее жизни на этом дереве распускалось, росло и созревало одно сочное яблоко в крапинку. Когда-то здесь жило целое семейство магов воды, чей дар был настолько силен, что они направили ручей в новые русла, проложив его вдоль домов Адажа, так близко, что достаточно было лишь встать на колени, чтобы напиться досыта. Род угас, а вместе с ним и ручей. Его не стало через несколько дней после того, как они похоронили последнюю из матриклана над очагом и произнесли молитву о восхождении на небеса.

Но Джехенит знала, что даже в этой крошечной, угасающей деревушке можно найти всемогущую девочку. Вот почему она не могла перестать думать о Дворце Рассвета, почему она была поглощена возможными планами по обеспечению безопасности девочки. Может ли она спрятать ее так, чтобы ее не нашли? Укрыть ее до тех пор, пока та сама не научится использовать свой опасный дар? В те долгие предрассветные часы, когда рядом с ней мирно дремал то

один, то другой темноволосый муж, ее беспокойный разум снова и снова возвращался к этой проблеме. Джехенит не была уверена, что сможет это сделать. Она определенно не справится в одиночку.

Потом – озарение: а как насчет Джорджи?

Как только она подумала о соседке, Джехенит поднялась, выскользнув из-под руки дремавшего Косло – а это был именно он. *Нужно сделать все правильно*, – подумала она. Второго шанса у нее не будет.

Поэтому сначала она сделала подношение Велье, попросив у нее благословение и преклонив колени перед святилищем. Их домашняя статуэтка Вельи была необычной, поистине уникальной – камень, выточенный водой и временем, а не руками человека. В детстве Джехенит нашла ее, когда однажды опустила руки в прохладную воду ручья – на следующий год ручья уже не было, – чтобы поискать ракушки на галечном дне. Выражение каменного лица сильно напоминало божество, одновременно и веселое, и бдительное, неодобрительное и снисходительное, и поэтому оно занимало почетное место на алтаре.

«Почтенная и могущественная Велья, – сказала она. – Я молила Тебя об этой девочке, и Ты привела ее ко мне. Моя благодарность безгранична. Теперь я смиренно прошу еще об одном благе: не отнимай ее у меня. Не дай украсть ее Дворцу Рассвета. Позволь мне сберечь ее дар, спрятать его от посторонних глаз, пока она не станет достаточно взрослой, чтобы принять силу».

Недосыпание все еще мутило ее мысли, но сосредоточенность на задаче придавала новые силы. Затем женщина подняла спящую малышку с рук Даргана, покормила ее, не разбудив, чтобы та была довольной и сонной. Затем, прижав девочку к груди, она поднялась по лестнице и вышла на прохладный, сухой предрассветный воздух.

Несмотря на ранний час, Джорджа быстро отреагировала на стук и с улыбкой впустила ее.

– Ты родила, – с восторгом сказала она, когда Джехенит спустилась, твердо встав ногами на пол прихожей. – О-о-о, дай мне взглянуть, дай мне взглянуть.

Джехенит передала ей Эминель, наблюдая, как подруга разглядывает лицо ребенка. Сыновья Джорджи выросли и уехали много лет назад. Должно быть, женщине было одиноко. В ее доме слабо пахло оливковым маслом, солью и белым цветком, известным как *клилия*, но воздух всегда был немного спертым, немного затхлым. Дом был слишком велик для одинокой женщины, и если бы Адаж не угасал, на него претендовала бы большая семья. Но пока дома стояли пустыми, никто не спорил с настоятельной просьбой Джехенит оставить Джорджу, хотя, скорее всего, это было связано только с положением Джехенит. У самой Джорджи не было дара, который мог бы помочь деревне. Она могла строить только воздушные стены. Возможно, когда-то это было полезной боевой магией, но уже много лет на Адаж не нападали мародеры. Просто здесь не было ничего ценного, что можно было бы похитить.

Но то, что не имело никакого значения для Адажа, теперь играло решающую роль для Джехенит.

– Я бы не стала просить об этой услуге никого другого, – напряженно и тревожно заговорила Джехенит. – Но я не могу поделиться этим с Косло или Дарганом. А у меня не осталось здесь семьи, ни матери, ни сестер. Ты – самый близкий мне человек.

Джорджа, казалось, была тронута таким вниманием, но ее доброжелательное выражение лица сменилось тревогой. Она ободряюще положила руку на плечо Джехените.

– Все что угодно. Только попроси. Что случилось?

Взглянув на спящую дочь, Джехенит призналась во всем. О вспышке голубого света, о беспокойных ночах, о своих надеждах сплести паутину, чтобы поймать в ловушку тлеющую магию в теле Эминель. Глаза Джорджи то и дело расширялись от удивления, но она молча слушала, впитывая все сказанное.

– Ты понимаешь, – тихо проговорила Джехенит, – я не могу допустить, чтобы она отправилась во Дворец Рассвета.

– Конечно, нет, – ответила Джорджа. Она посмотрела вокруг, вверх, словно опасаясь, что даже в этом доме кто-то наблюдает, подслушивает. Она перевела взгляд на образ Вельи в святилище, где было изображено доброе лицо Хаоса, открытая улыбка и две протянутые ладони. Затем вернула дремлющего ребенка на руки матери. На мгновение Джехенит испугалась, что Джорджа не поможет, что она слишком напугана, слишком сомневается.

– Только ты можешь помочь мне защитить ее, – сказала Джехенит, пытаясь быть смелой, но тревога не отступала. – Думаю, мы справимся. Создадим над ней своего рода щит. Моя магия тела, твоя магия воздуха, переплетенные вместе, чтобы удержать магию внутри.

Джорджи выглядела задумчивой.

– Надеюсь, наших сил будет достаточно, но есть сомнения, – продолжила Джехенит. – Может быть, нам нужен третий. Кто-то, кто сделает щит прочным. Даст силу, чтобы поддерживать его, даже когда нас не будет рядом.

Выражение лица Джорджи сменилось с задумчивого на решительное. Тогда она сказала:

– У нас есть третий. Она.

В груди Джехенит расцвела надежда. Да. Она поняла, что Джорджа имела в виду: простая логика. Использовать всемогущество, чтобы сдерживать всемогущество, использовать силу девочки, чтобы поддержать заклинание, в котором будет заключена эта сила.

– Как думаешь, сработает?

– Если на то будет воля Вельи, – ответила Джорджа. Затем произнесла мягче: – Есть ли у тебя силы? Ты выглядишь такой усталой.

– Я справлюсь, – ответила Джехенит.

Джорджа произнесла:

– Чем скорее, тем лучше, – и указала жестом на открытое пространство перед очагом – под пристальным взглядом домашнего божества.

Джехенит положила завернутого и спящего ребенка на пол. Вслух, как обычно в начале колдовства, она сказала:

– Велья, будь со мной.

И тогда они начали.

Джехенит всегда работала в тишине, поэтому она на мгновение опешила, когда Джорджа начала петь. Песня была ей незнакома, слова непонятны, но ритм совпадал с движениями Джорджи. Джехенит восторженно наблюдала за пожилой женщиной. Она никогда не видела такой магии. Размашистые движения Джорджи, казалось, зачерпывали и собирали воздух вокруг них, каким-то образом формируя его в более плотный материал, который незримо парил в пределах досягаемости.

Ритм песни Джорджи сменился. Она быстро взмахнула руками так, чтобы локти были направлены в разные стороны, а пальцы – к пяткам. На лице ее появилось выражение, в котором было поровну удивления и страха. Она кивнула Джехенит.

Затем Джехенит быстро вызвала свою силу в руках – благодаря практике – и осторожно, медленно опустила обе руки, задержав их прямо над дочерью.

Ее магия сплелась с магией Джорджи, боролась, казалось, сталкивалась, и их широко раскрытые глаза встречались, когда они пытались объединить свое волшебство. Дюжину раз Джехенит была уверена, что ее заклинание вот-вот растворится в небытии; дюжину раз она вновь брала верх в тот самый момент, когда оно уже готово было ускользнуть. Она пыталась собрать необходимую ей жизненную силу, истощая себя, хотя и с трудом справлялась, используя резервы спящих поблизости мужей. И стараясь взять лишь самую малость у других женщин и мужчин в деревне. Ей никогда не требовалось столько жизненной силы, чтобы исцелить кого-то, но это было заклинание, которое она придумывала буквально на ходу, и если оно распле-

щется и растворится, все будет потеряно. Джехенит осознала, что понятия не имеет, сколько жизненной силы нужно Джордже для ее собственного заклинания и откуда она ее берет. Впрочем, она не спрашивала, но отогнала эту мысль. Даже если это заклинание приведет к ужасным последствиям, Джехенит выдержит. В этот момент ничто другое в мире не имело значения.

Девочка проснулась, задержалась, освобождаясь от одеяла, но Джехенит не стала ее укутывать или успокаивать. Она сосредоточилась на магии и продолжила.

Джорджа вздохнула, пальцы одной руки неконтролируемо дернулись, но с суровым выражением лица она усилием воли постаралась выпрямить их. Джехенит почувствовала, что воздух стал тяжелым, плотным.

Две магии наконец-то слились воедино, скользнув друг в друга, как сжатые в замок руки.

Джехенит почувствовала, как паутина ложится на нужное место. Джорджа, должно быть, тоже почувствовала это; она издала слабый возглас, похожий на облегчение. Но это еще не все. «Если третья магия не работает, – подумала Джехенит, – все старания окажутся напрасными!» Она кивнула Джордже, та кивнула в ответ. Они были готовы.

Сердце колотилось, Джехенит протянула руку. Она закрыла глаза дочери. И стала ждать.

Сначала обнаженная малышка лежала неподвижно, но когда Джехенит не убрала руку, она вскоре начала извиваться. Женщина надавила сильнее. Ребенок видел только темноту. Она боролась. Она била неумелыми ладошками по руке, пыталась повернуть голову, но не могла, барахтаясь, как птица со сломанным крылом. Джехенит не думала, что сможет удерживать ее долго. Что-то нарастало в воздухе, энергия, как в небе перед грозой, была слишком сильна.

В один миг от девочки поднялось нечто голубое, слишком медленное, чтобы быть светом, слишком быстрое, чтобы быть туманом, и Джехенит приготовилась к удару. Но его не последовало. Магия устремилась в ловушку, которую они для нее устроили, кипела и бурлила, заставив прямо над малышкой.

Джехенит убрала руку и улыбнулась малышке, показывая, что все будет хорошо.

Вдохнув еще раз, ребенок успокоился. Голубое сияние вокруг нее потускнело и улеглось, хотя изредка мерцание все еще можно было заметить на ее маленьком смуглом тельце. Джехенит надеялась, что со временем оно исчезнет. Пока же главное дело было сделано.

Усталый взгляд Джорджи встретился с взглядом Джехенит.

С трудом выговаривая слова, Джехенит пробормотала:

– Спасибо.

Джорджа покачала головой, как бы говоря, что не стоит ее благодарить. Она прижала руку к ладони Джехенит.

– Семья, – сказала она.

– Семья.

Когда Джехенит стояла на крыше своего дома с дочерью на руках, голубое мерцание уже исчезло.

Когда она спустилась по лестнице, Косло протянул руки к девочке, и она с благодарностью отдала ему маленькое, приятно пахнущее тело. Если он и заметил в ребенке что-то необычное, то не сказал. Он прижал ее маленькую головку к своему плечу и ворковал, начав ходить по комнате. Когда она захныкала, он покачивал ее. Они пересекали комнату и входили в следующую.

Дарган протянул Джехенит миску с кашей и ложку, и она ела стоя, жадно запихивая в рот теплую кашу.

Из дальней комнаты она слышала голос Косло – у него был приятный голос, который рассказывал ее дочери какую-то историю. Она не могла уловить каждое слово, но, похоже, это была одна из часто рассказываемых историй о королеве Крувесис и ее сестре. О том, как две девочки, родившиеся с одинаковыми дарами, могли вырасти такими разными, как гордая женщина может поплатиться за свое высокомерие, а скромная – стать королевой.

Джихенит почувствовала, как Дарган забрал у нее из рук пустую миску – она доела пищу, не заметив, отвлекшись на рассказ и собственную усталость, – и заменил ее чашкой горячего сладкого чая. Джихенит не хотела пить, но не знала, как сказать об этом. Теперь, когда женщина поела, ее тело хотело только спать.

Муж прочел ее настроение и забрал чашку. Она почувствовала, как его губы нежно коснулись ее лба.

– Иди отдыхать, – сказал он.

Пройдя в ближайшую спальную комнату, она, не раздеваясь, легла на ложе и закрыла глаза.

Она слышала, уже тише, вдалеке, как Косло напевает знакомую мелодию. Эминель не издавала ни звука. Возможно, малышка внимательно слушала, ее глаза ярко блестели. Возможно, уже спала. Но журчащий звук был таким успокаивающим, таким милым. «*Старая песня*, – подумала она. – *Старая верная колыбельная*». Она расслабилась на первых строчках, знакомых ей, как собственная кожа, когда муж запел:

Когда арканка призывает всю свою магию,
Ответ находится на глубине тысячи лиг...

Но еще до того, как ласковый голос Косло пропел следующую строчку, Джихенит окончательно успокоилась, и наконец ее глаза не видели ничего, кроме темноты.

6

Бездевичье

Во всех Пяти Королевствах

Год спустя

Только некоторые беды приходят *внезапно*. Другие накатывают медленно, широкими, пышными волнами, незаметно подкрадываясь по мере распространения их яда. Проснувшись однажды на рассвете, их жертвы обнаруживают не то, что наступила катастрофа, а то, что она уже давно забралась к ним на подушки, поселилась в одежде, прижилась на коже. Она незаметно проникала в дома на протяжении дней, недель, месяцев. Люди уже дышали бедой как воздухом.

Так было и с Бездевичьем.

Вполне логично, что писари Бастиона должны были заметить это первыми. Со времен Великого Договора в их обязанности входило фиксировать каждое рождение в Пяти Королевствах. Казалось бы, бесконечные списки имен, дат и мест были записаны в их огромной библиотеке учетных книг, которые хранились вечно. Писари, выделенные для каждого государства, добросовестно выполняли эту обязанность. Однако поначалу эти списки были разрозненными, хранились в небольших журналах, засунутых в сумку, ранец, карман. Эти записи могли не попадать обратно в Бастион в течение целого года – к чему такая спешка? Ради истории? Младший писарь, которая переносила записи о рождении в главную книгу, видела закономерность, но ничего не говорила, боясь, что ошибка была в ее работе, а не в самих фактах.

Именно в Скорпике эта закономерность стала очевидной, и поначалу она выглядела как удача. Покупка или продажа новорожденных мальчиков другим народам приносила товары, деньги и пищу, а больше мальчиков – больше прибыли. Запасы вина впервые грозили переполнить кувшины; советница, отвечавшая за казну, поняла, что впервые ей понадобилась вторая воительница, чтобы поднять сундук. Вскоре всего стало больше. Кроме новорожденных, которые вырастают в воительниц, – единственного ресурса, без которого они не могли обойтись.

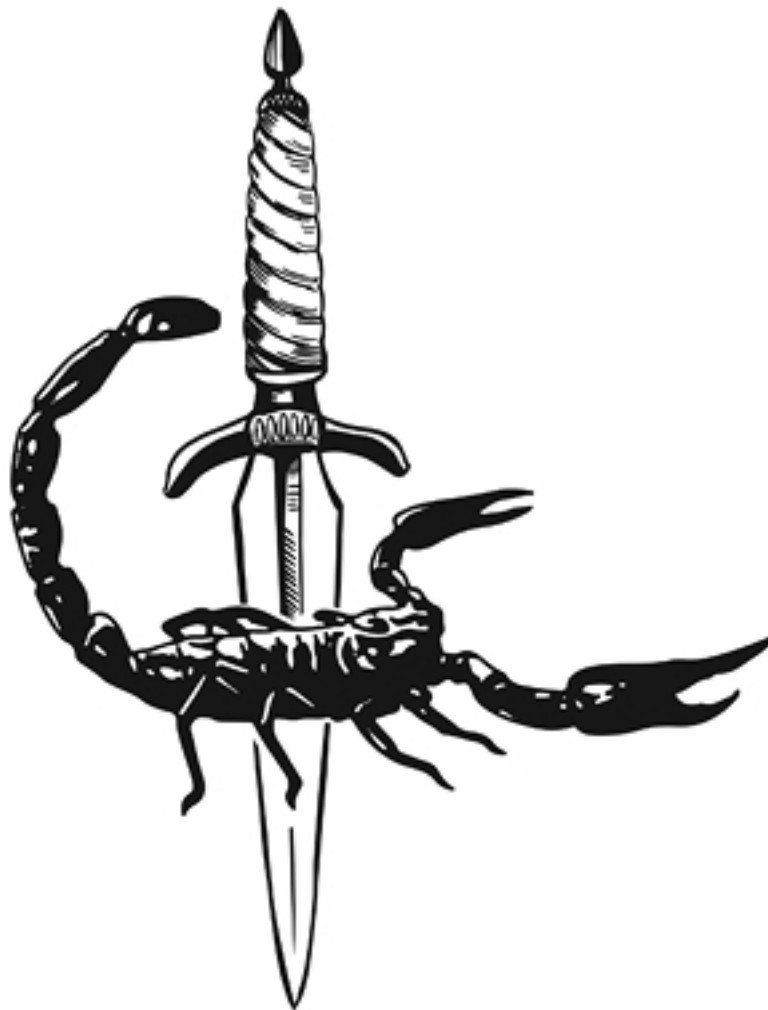
В Арке в каждой деревне был свой собственный совет, слишком озабоченный выживанием, чтобы обращать внимание на то, что происходит в деревнях за много миль. Они оплакивали отсутствие девочек, да, но не говорили об этом ни с кем за пределами деревни, ни на дороге, ни у реки. Королева Мирриам, конечно, могла бы догадаться об этом, если бы захотела. Она лишь заметила, что давно не слышала донесений о всемогущих девочках, но это было только к лучшему. По ее мнению, их и так было слишком много.

В Сестии у фермеров и костесжигателей всегда хватало работы. Они сплетничали, когда встречались, но случалось такое редко. А их королева-жрица, Верховная Ксара, не заботилась о детях. Жрицы Святой поклялись отказаться от удовольствий в честь безбрачной жизни, которую их Богиня вела после того, как ее супруг спустился в Подземье. Нужно было планировать и проводить обряды, поддерживать запасы нации, поддерживать божественные стандарты. Жизнь за стенами ее храма-дворца оставалась именно такой: потусторонней.

В свою очередь, Паксим был слишком большой, чтобы соединить все части целого воедино. Сенаторы были заняты тем, что всегда волновало их: законами и правилами, спорами и дебатами, борьбой за власть и положение. У их овдовевшей королевы была своя собственная всепоглощающая забота: она беспокоилась о том, как растет ее сын Паулус. Каждый день, наблюдая за тем, как он учится стоять, ходить, говорить, она не забывала о предстоящем столкновении, когда настойчиво требовала сделать его первым в истории правящим королем.

Так и случилось, что Бездевичье распространилось по Пяти Королевствам незаметно. Это не выглядело как катастрофа, пока нет. Для тех, кто просто проживал день за днем, это было просто похоже на обыденность.

Часть II
Опасность
505 год Всея Матери
Три года Бездевичья

7
Дочь

505 год Всея Матери
В Скорпике
Кхара

Копье Тамуры пронеслось по воздуху, выписывая идеальную дугу. Его острие летело к нарисованной соломенной мишени так уверенно, как будто было нанизано на нитку. Мгновение спустя тяжелая железная насадка приятно, тяжело ударила во внутренний круг. Оружие проникло глубоко и застыло, вибрируя.

Звук, несомненно, доставлял удовольствие, особенно девочке, метнувшей копьё. Королева, наблюдавшая за ней, почувствовала нечто менее похожее на удовлетворение. Скорее что-то близкое к тревоге.

Кхара не знала, почему она снова и снова приходит посмотреть, как тренируется Тамура дха Мада. Каждый раз она чувствовала внутри неприятное ощущение. Но, возможно, в этом была причина. Она знала, что однажды копьё из рук Тамуры полетит с такой же точностью, с такой же беспощадной меткостью, нацеленное в голову, горло или сердце Кхары. Она не должна забывать об этом.

А может, это будет и не копьё. За последние три года она видела, как Тамура демонстрирует замечательное – и все еще растущее – мастерство владения кинжалом, длинным мечом, секирой, посохом. Она даже видела, как девочка потеряла оружие в поединке и повалила вооруженного противника на землю, а затем одолела его. Некоторые из молодых воительниц стали называть ее Тамурой Безоружной. И когда для Кхары настанет день выбора, думала она, то знала только одно: она не выберет секиру. Она редко видела сны, но когда видела, этот топор становился ее кошмаром.

– Меньше года, – тихо сказала она Вишале. – Вот и все, что у меня есть.

Ее старая подруга посмотрела на нее.

– Вы так уверены?

– Да, – сказала Кхара. – Как только она станет достаточно взрослой, чтобы произносить Слова Вызова...

– Ей придется найти секунданта.

– Не думаю, что с поиском возникнут проблемы. Особенно для такой талантливой девочки.

Они смотрели, как Тамура рысью приближается к цели, сверкая босыми пятками, и что-то говорит через плечо другой девочке ее возраста. Одной рукой она выдернула копьё и направила его вверх, к небу. Лицо другой девочки недовольно скривилось. Тамура рассмеялась, приоткрыв рот и вытянув шею.

В этом возрасте тренировки все еще казались веселым событием, по крайней мере, для способных девочек. И, возможно, Тамуру радовала только одна мысль – о победе. *«Некоторые становились воительницами вопреки необходимости применять насилие, – думала Кхара, – а некоторые – благодаря ей».* Ей было интересно, какой была Тамура. Что бы девочка ни чувствовала, ее путь был ясен: Тамура пройдет ритуал этой осенью в пятнадцать лет и займет свое место в рядах сестер-воительниц.

И с такой же уверенностью она могла броситься на женщину, убившую ее мать. Без промедления. Без пощады.

Они наблюдали издали, как Тамура трусцой вернулась на исходную линию, затем встала рядом с другой девочкой, которая держала копьё такого же размера. Тамура что-то сказала, вздернув подбородок. Девочка кивнула. Тамура отошла на пять шагов, и обе снова прицелились в мишень, подняв руки и приготовившись.

– А как ты думаешь, есть ли у меня шансы на победу? – мягко спросила Кхара.

Виш внимательно наблюдала за девушками и их дружеским соревнованием.

– Вы победили Маду прямо после родов, будучи слабее и несмотря на ее силу. Все возможно.

– Но маловероятно.

Обе девушки одновременно выхватили копьё, гаркнув при броске. Оба оружия устремились к своим целям. Копьё одной девочки вонзилось в соломенную мишень у края за мгновение до копьё Тамуры, которое снова попало в центр круга.

Вдалеке снова раздался смех Тамуры – мрачный, резкий звук.

– Да, – произнесла Виш. – Маловероятно.

- А если бы ты была на моем месте, то как бы поступила?
В глазах Виш застыла безмерная печаль, когда она сказала своей подруге:
– Но я не вы, Кхара, – и сжала ее ладонь.

* * *

Годы, прошедшие после рождения дочери, были для Кхары странными, тревожными. Она любила девочку так, что не передать словами. На свете не хватит слов. Сам ребенок не вызывал беспокойства: жизнерадостный, сильный. Но когда проходили недели, потом месяцы, потом годы без рождения еще одной воительницы, Кхара боялась, что племя может ополчиться против юной Аманкхи. Когда придет ее время править, не будут ли они слишком недоверчивы к ней? Неужели ее статус последней девочки, родившейся в Скорпике, оставит на ней метку злосчастья?

После Аманкхи воительницы рожали мальчика за мальчиком. Увеличение доходов от торговли мальчиками было первым сигналом, но последствия распространялись по бесчисленному множеству других направлений. Ропот и шепот беспокойства нарастали по мере того, как в лагерях все реже раздавался веселый лепет малышей. Козье молоко раньше предназначалось только для кормления детей, чьи мамы не могли кормить сами, но теперь козьего молока было достаточно, чтобы делать сыр на зиму. Любой желающий мог отведать его. О правде редко говорили вслух, но все о ней знали. И со временем положение усугублялось – расхождения перерастали в разногласия и, в конце концов, в катастрофу.

Масштабы надвигающейся катастрофы беспокоили Кхару. Она знала, что должна принять меры, внести изменения, подготовить свой народ к тому, что может произойти. Но ей казалось невозможным, что Бездевичье может продолжаться. Каждый раз, когда воительница рожала – хотя теперь это случалось гораздо реже, – в ее груди все еще теплилась искра надежды, что ребенок может оказаться девочкой. Но как только крик новорожденного оглашал мир, а лица повитух выдавали все, что нужно, эта нежная, уязвимая искорка надежды вновь угасала.

Когда она вернулась домой после наблюдения за девочкой, которая, как она предполагала, когда-нибудь убьет ее, ее собственная дочь мирно свернулась калачиком на раскладушке в их шатре. Темные волосы ребенка образовали густое облако вокруг ее светлой головки, скрывая спящее личико. Весна пришла рано, и они переехали из зимнего лагеря в летний за два месяца до того, как в Сестии начались ежегодные обряды – в этом году Обряды Малой Луны. Поэтому у них был свой шатер, и им не нужно было собираться в большом количестве, чтобы согреться ночью. Аманкха могла свободно бродить, пока ее мать занималась другими делами в лагере; другие матери оберегали ее от самых страшных опасностей. Теперь она лежала здесь, погруженная в крепкий сон, и Кхара чуть не упала на колени при виде ее нежной, уязвимой спины, которую королева-мать увидела, как только опустила полог, чтобы загородить солнечный свет.

Больше всего на теле дочери она любила маленькое родимое пятно в форме солнца между лопатками. Ее широкие скулы, веселые глаза, пухлые колени и запястья – она любила все это, но именно круглая коричневая отметина размером меньше ногтя ребенка всегда вызывала нежность в сердце Кхары, готовом выскочить из груди.

Кхара поцеловала родимое пятно и легла рядом со спящей девочкой, прижавшись к ее маленькой спине своим гораздо более крупным телом. Ее сердце все еще билось, слишком громко и быстро. Она надеялась, что тёплая тяжесть детского тела и ровное дыхание прижавшейся к ней девочки помогут ей успокоиться.

У нее уже сдавали нервы. Она хотела попросить Виш об исключительной услуге – возложить на нее священный долг, но не могла подобрать слов. Она сделает это завтра. Или если не завтра, то в ближайшее время. Ведь если Тамура победит Кхару и завоюет ее королевство,

Кхара точно знала, каким будет следующий шаг девушки. Сначала убить мать, а затем убить дочь. Именно на это Кхаре не хватило духу. Теперь она видела, что из этого вышло, когда дочь оказалась столь же амбициозной, как и мать. Если Тамура оставит девочку в живых, она рискует стать жертвой другой своей версии, начать цикл заново: победительница, которая живет, но живет в страхе, страшась того дня, когда дочь ее жертвы станет достаточно взрослой, чтобы превратить победительницу в свою очередь в следующую жертву.

* * *

Следующее утро Кхара провела вне лагеря, позволив дочери отвлечь ее от государственных вопросов. Но эти же вопросы отвлекли и ее. Когда она была королевой, но не матерью, она была всецело королевой. Аманкха изменила ее. Она видела королев, которые, когда правили, могли отбросить мысли о своих дочерях, любовниках, семьях. За последние несколько лет она поняла, что не принадлежит к их числу.

Она собиралась провести утро, обучая Аманкху бесшумно передвигаться по лесу, готовя ее к охоте, но ее рассеянность оказалась заразной. Трехлетняя девочка никак не могла сосредоточиться. В итоге они продирались сквозь кустарник, затеяв новую игру. *«Если я пока не могу научить свою дочь неподвижности, – решила Кхара, – то, по крайней мере, научу ее скорости».* – И они играли в догонялки и преследование между деревьями.

Когда они вернулись в лагерь, солнце стояло уже высоко, пришло время заседания совета. Сегодня им предстояло обсудить проблему Бездевичья, не в первый и не в последний раз, и Кхара медленно и неохотно приближалась к месту встречи. Если это Бездевичье затянется, нарушит ли оно мир между королевствами? Самый главный вопрос, с которым каждое из них, вероятно, столкнется в своей жизни. Но ни у кого не было на него ответа.

И когда она вошла в шатер для собраний, женщины уже были здесь. Ей показалось или члены ее совета бросали друг на друга настороженные взгляды? Не просто некоторые, а все: Мирха – на Гретти, Гретти – на Виш, и так далее. Возможно, они были просто разочарованы тем, что она прибыла поздно. Возможно, их недовольство кроется глубже. Ужас закружился внутри нее, разгоняясь в крови, но она не подавала виду.

– Давайте сегодня говорить, – произнесла она традиционные слова, почти как заклинание. – Давайте говорить свободно. Давайте говорить правду. И сегодня давайте говорить о Бездевичье.

Она ждала. Здесь могла высказаться любая из них; любая могла предложить свой вариант действий, без осуждения, без злобы. В ее власти было назначить голосование, но до этого момента все их мысли и впечатления имели одинаковый вес.

– Никто не хочет насилия, но если уж оно придет, мы должны быть готовы, – размеренным и ровным тоном сказала воительница Мирха, служившая еще вместе с матерью Кхары, Эллыми. Она всегда была консервативна. Кхара была потрясена тем, что она первой заговорила на столь радикальную тему. – В первую очередь мы должны рассчитывать на собственные силы.

– Что ты предлагаешь? – негромко спросила Кхара.

– Пусть другие внесут свои предложения, – сказала Мирха, отступая назад. – Мне только важно, чтобы мы укрепили Скорпику.

– Скорпика сильна, – усмехнулась Виш.

– Разве? – воскликнула Гретти. – Нас тысячи, но мы рассредоточены. Разве мы не были бы сильнее вместе?

Бывшая хранительница клинка уже выросла и стала женщиной, ее первый и единственный сын был продан вскоре после рождения Аманкхи. В восемнадцать лет она была молода для Совета, самая младшая, но она достойно себя проявила. Они с Кхарой не всегда сходились во мнениях, но никто не выражал своего несогласия так уважительно.

– Тебя услышали, Гретти. Но не могла бы ты пояснить свои мысли? – спросила Кхара, изо всех сил стараясь сохранить спокойное лицо, которое не выдавало бы эмоций.

– Я не совсем понимаю, как именно это сделать, – призналась Гретти. – Но что-то должно измениться. У нас так мало молодых воительниц, и все это знают. Разве мы не можем найти лучшее применение тем, кто у нас есть, вернув их домой?

Некоторые кивали, некоторые сокрушенно качали головами. Кхара, наблюдая, оглядела круг. Должна ли она сосчитать, кто согласен, кто не согласен? Должна ли она высказать свое мнение или подождать, выслушивая остальных?

Виш заговорила в наступившей тишине:

– По крайней мере, этот вариант должен быть рассмотрен.

– И мы рассмотрим его, – сказала Кхара. – Но ты полагаешь, что нам нужны наши сестры, чтобы защищать нас?

Гретти сдержанно кивнула.

Королева покачала головой. Пришло время выступить.

– Я не стану необдуманными действиями провоцировать войну, которую никто не планирует.

– Конечно, мы не станем отзывать королевских гвардейцев, – сказала Гретти, очевидно высказывая все мысли, которые приходили ей в голову. – Не хотелось бы подавать неверный сигнал.

– Любой вывод сил будет означать то же самое – готовьтесь к войне! – сказала Экхрин, еще одна из старших членов совета, более решительно, чем обычно. – Это неправильное намерение. Мы должны оставить наших воительниц на местах.

Послышалось бормотание, но некоторое время никто не выражал ни одобрения, ни неприятия.

Наконец, Мирха произнесла:

– Если все-таки мы будем выводить войска, что, думаю, сможем сделать осторожно и разумно, поскольку Паксим согласовывал первоначальные соглашения, нам нужно будет попросить их провести переговоры о выводе людей.

– Неужели? – спросила Кхара.

Мирха сурово на нее взглянула, пытаясь понять, что послужило причиной возражений Кхары: неуверенность или страх?

– Это самый безопасный вариант.

– Последствия будут не такими безопасными, – сказала Виш немного резко. – Если они откажутся, что тогда с нами будет? Или если они предложат нам невыгодную сделку? Решать нам, а не им.

Старшая воительница добавила:

– Лучше просить прощения, чем разрешения.

– А лучше вообще не спрашивать, – продолжила Виш, – а просто делать.

Другие заговорили, и хотя никто не кричал и не гнул свое, Кхара чувствовала, как в каждом слове нарастает напряжение. Взгляды метались по кругу, руки сжимались в кулаки, а каблуки утопали в грязи. Для женщин, которые всю свою жизнь судили только по поступкам, было трудно рассуждать словами. Совет и в хороший день проходил бурно, а нынче дни выдались не самые лучшие. Жажда заставила их задуматься о возможности важных, необратимых изменений, любое из которых могло стать серьезной ошибкой. К сожалению, они никогда не узнают, в чем заключается истинная ошибка, пока она не произойдет.

Кхара позволила своему совету высказаться, но она не собиралась принимать решение по такому важному вопросу, не получив больше времени на размышления. Она не представляла, какой бы выбор сделала, даже если бы ей дали бесконечное количество времени. Поэтому сегодня, для формальности, она произнесла заключительные слова.

– Сегодня вы рассуждали хорошо и мудро. Благодарю вас за совет. Пусть Скорпион наградит ваши умы мудростью, а ваши руки – силой. До новых встреч.

Женщины разошлись, но напряжение осталось, и Кхара ушла последней, молча идя рядом с Виш. Она подумала, что могла бы обсудить встречу с советницей, как часто делала, чтобы понять, насколько обе распознали настрой.

Когда они пересекали дорогу возле тренировочных полей, королева подняла голову и машинально осмотрела толпу. Она не увидела Тамуру. Рядом Виш долго и медленно вдохнула воздух, а затем так же медленно выдохнула. Этот звук заставил ее насторожиться, но Кхара все еще не была готова к дальнейшему.

– Я знаю, что вы ее ищете, – произнесла Виш. – Но ее тут нет.

Конечно, Виш знала. Но что она имела в виду? Подозрение Кхары начало расти.

– Где же она?

– Я хотела вам рассказать.

Словно по негласному сговору, они прижались поближе к палаткам с припасами, понизив голоса, чтобы никто не слышал, но продолжая медленно идти на виду у всех, как будто они просто болтали ни о чем.

Кхара с ужасом попросила:

– Скажи мне.

– Она получила назначение.

– Назначение? Но она еще недостаточно взрослая!

– Она выдающаяся воительница. Для нее было сделано исключение.

В голове Кхары замелькали мысли.

– Исключение? Кем именно?

– Советом. Они согласились. Мы все согласились, Кхара. – В голосе Виш прозвучала решимость. Но вины не было. Не было ни страха, ни сожаления. Очевидно, что она полностью уверена в том, что поступила правильно.

Кхара мгновенно поняла: Виш все время говорила на заседании совета об отзыве назначенных воительниц, но оказалось, что она имела в виду совсем другое. Она выступала за то, чтобы действовать, не спрашивая разрешения – потому что именно так поступала сама. Виш знала, что если бы спросила Кхару, хочет ли та отослать Тамуру, Кхара бы запретила. Тогда, всего через несколько месяцев, она просто вышла бы из своего шатра в день совершеннолетия Тамуры, готовая сражаться и умереть. Масштабы поступка Виш сильно поразили Кхару. До глубины души. Она не пыталась скрыть свой гнев, разгоревшийся с новой силой.

– Ты поступила так за моей спиной? Собрала совет, как будто у тебя есть на это право?

– Да.

– Я *твоя королева*. – Она никогда не говорила эти слова Виш, но сейчас просто не знала, что сказать.

Виш согласилась.

– Да.

– Я должна... Я должна... – Кхара должна наказать ее. Так она поступила бы с любой, даже с членом совета, но это была Виш. Ее самый близкий друг в мире. Жгучий гнев перешел в сильное чувство вины. – Виш. Я никогда бы не попросила об этом совет. Тебя. Она всего лишь девочка.

– Необыкновенная девочка. И ненадолго.

– Обычай есть обычай, законы есть законы. Если мы не будем их...

– Знаю.

– Ты не имела права.

– Знаю, – а в голосе все равно не слышалось ни сожаления, ни вины.

Мысли Кхары путались и спотыкались, но когда она все-таки подобрала слова, ее вопрос прозвучал резко:

– Куда ты ее отправила?

Тогда и только тогда решительное спокойствие Виш, казалось, пошатнулось. Она опустила взгляд, рассматривая пыльные сандалии.

– В Фингернейл.

– *Мокх!* – выдохнула Кхара с резким упреком. Фингернейл – остров-тюрьма у побережья Арки, полная закоренелых преступников. Должность стражницы – самое сложное задание, которое могла получить скорпиканская воительница. Половина женщин, получивших эту должность, стремились к ней отчаянно, но даже они возвращались, ошарашенные трудностями. Другая половина с трепетом проходила через ворота, боясь, что будет плохо, а потом содрогались от того, что все оказалось еще хуже. Фингернейл всегда оправдывал самые мрачные и темные ожидания. Виш стиснула зубы и взяла Кхару за руку.

– Знаю, вы сердитесь на меня. Надеюсь, что время поможет залечить рану. Скоро отправится охотничий отряд, на ночь остановится в нижних горах. Я присоединюсь к ним. – Виш повернулась и ушла прежде, чем Кхара успела ответить.

Опустив голову, Кхара продолжала идти, направляясь в сторону своего шатра, шаги ее были обдуманными и медленными. Она была рада, что Виш дала ей возможность подумать, но все же, сколько времени ей будет нужно, чтобы прийти к правильному выводу? Всего несколько минут.

Виш лишь отсрочила неизбежное. Тамура вернется еще злее, еще более подготовленной к бою, еще более настоящей воительницей.

И все же, подумала Кхара, ее благодарность не передать словами.

Впереди еще два драгоценных года с дочерью. И несмотря ни на что, эти годы были подарком. Она не могла сердиться на то, что будет наблюдать, как Аманкха растет и меняется с течением дней, недель, времен года. Видеть, как восторженно девочка смотрит на блеск зимнего снега и летней травы, обласканной солнцем. Видеть, как девочка добывает дичь и сама подшивает кожи, как в ней зарождается то обещание, о котором только сейчас намекали ее зоркие глаза и сильные ноги. Кхара никогда бы не отослала Тамуру вот так, сама, никогда бы не дала Виш добро.

Спасибо Скорпиону, что Виш не стала спрашивать разрешения.

Тамура придет за ней, о чем она всегда знала, с тех пор как Мада испустила последний вздох у ног Кхары. Следующий вызов произрастет из предыдущего, как ветви дерева из его корня. Прольется кровь – возможно, очень много крови. Выживет только одна из них.

«Но не сейчас, – подумала она. – Не сейчас».

8

Уроки целительства

507 год Всея Матери

В деревне Адаж, Арка

Джехенит

Джехенит жила надеждой до того дня, когда с небес упала девочка с крыльями.

Первые несколько лет жизни Эминель, пока девочка росла, Джехенит делала все возможное, чтобы научить ее целительству. Эминель была непоседливым ребенком, постоянно пробовала что-то новое, собирая по пути синяки, царапины, ссадины. Джехенит легко могла бы оставить их заживать самостоятельно. Вместо этого она, полная решимости, приседала рядом с дочерью, ее руки находились в нескольких дюймах от поцарапанной коленки или обожженных кончиков пальцев.

Завладев вниманием девочки, она терпеливо объяснила, как работает магия исцеления. Напоминала Эминель, что для создания магии необходимы и песок, и жизненная сила, что при отсутствии того и другого даже самые сильные таланты потерпят неудачу. Каждый маг должен понимать как свой потенциал, так и свои пределы. Затем она закрепляла урок на практике, бормоча заклинания и показывая движения руками, которые помогали концентрировать целительскую энергию. Она снова и снова сгибала пальцы девочки в нужные положения, повторяя слова, когда Эминель ошибалась. Она пыталась научить малышку исцелять себя.

Пыталась.

Суть всемогущества заключалась в том, что оно включало в себя все шесть видов чар – воздуха и воды, огня и земли, разума и, конечно, тела. Так что Джехенит знала, что есть все шансы, что ее дочь обладает целительной силой. Но та аккуратная и дышащая паутина, которую они с Джорджей сплели, гася поле всемогущества девочки, удерживала силу внутри. Отсюда и вытекала проблема, с которой столкнулась Джехенит, пытаясь научить девочку тому единственному аспекту магии, которым ей было необходимо владеть.

Джехенит пыталась вспомнить, как она сама научилась целительству; ей казалось, что никто никогда не пытался специально обучить ее. Мать почти все свое внимание уделяла старшей дочери, Риссель, сиявшей подобно солнцу. Потом появилась вторая дочь, Йидини, и любимый сын, Миджар. Сама Джехенит была младшей и осталась где-то на задворках. В каком-то смысле Риссель воспитывала ее в большей степени, чем мать. В основном за Джехенит присматривали мужа ее матери, и, конечно, они не учили ее исцелять, но, по крайней мере, она знала, что они ее любят. Любовь нельзя воспринимать не всерьез.

Единственное, что Джехенит помнила – это как мать прикасалась к ней, когда делала татуировку: закрученный узор из черного песка, вбитый под кожу левого запястья, который указывал на то, что она целительница, чтобы все об этом знали. Даже в процессе работы мать не успокаивала ее и не напоминала, что она может, если захочет, заглушить боль. Мама просто прижала большие пальцы к ладони Джехенит, сгибая ее назад, чтобы натянуть кожу на запястье, и беззвучно водила каждой песчинкой по коже дочери, пока рисунок в форме колеса не был завершен. Джехенит могла бы поклясться, что каждая песчинка ощущалась как тончайшее лезвие. Если бы хоть кто-нибудь спросил ее. Но никто не спрашивал.

Теперь других целительниц не было – ее бабушка и мать умерли, сестры и двоюродные братья ушли, и Джехенит оставалась в деревне одна, чтобы лечить любые раны, большие и маленькие. Если она не сможет подготовить Эминель в качестве своей замены, у Адажа не будет будущего.

Или, возможно, удастся отыскать другую целительницу. Раз в год Джехенит нанимала писца, который помогал ей писать и отправлять послания во все стороны. Ее письма отправля-

лись в дальневосточную деревушку Брайк, известную своим стеклянным замком – шедевром невероятной красоты, выращенным исключительно талантливым магом земли в давние времена. Но замок так раскалялся на солнце, что был непригоден для жизни, на него можно было только смотреть, да и то издали. Ее слова дошли до севера, до Сжинджи, почти до границы Паксима, известного как гостеприимное и прекрасное место, где всегда хватало всего благодаря сделкам, заключенным их дипломатическими соседями: магия в обмен на товары, товары в обмен на магию. Ее слова долетали до деревни на южном побережье, столь древней, что у нее не было названия, – деревни, где в давние времена, еще до Великого Договора, родились предки рода Джехенит. Она посылала свои мольбы в эти дальние уголки, зная, что в ближайших деревнях ничего не осталось, и надеялась, что найдет новую целительницу – как животное, роющееся в сухой грязи в надежде обнаружить скрытый источник.

Она ничего не рассказывала об этом Косло и Даргану, не желая волновать их и зная, что они ничем не могут помочь. Они могли только заниматься своими делами: делить домашние обязанности, присматривать за дочерью, пока она работала, доставлять ей удовольствие и давать передышку в спокойные часы ночи. Она знала, что поглощенность сохранением тайны Эминель тяготит ее, отвлекает, но если они и замечали что-то, то ничего не говорили.

Пока не появилась девочка с крыльями.

Был на редкость тихий день. Дарган отправился в свой ежегодный визит к матери и сестрам, а она вместе с Косло и Эминель устроила пикник в тени высоких пещер, возвышающихся над деревней. Как раз когда они заканчивали трапезу, по земле перед ними пронеслась необычная тень, двигавшаяся очень быстро. Косло заметил, что она слишком велика, чтобы быть ястребом, но когда Джехенит подняла голову, то в отблесках солнца различила очертания. Широкие, покрытые перьями крылья, а потом – ничего. Она бы и забыла об этом, но несколько минут спустя по тропинке промчался длинноногий мальчик. Он едва мог выговаривать слова, задыхался в иступлении.

– Моя сестра. Пять лет. Крылья. Она упала.

Джехенит мгновенно все поняла. Крылатая фигура в небе вовсе не была ястребом. Она сама никогда не видела магов тела, чей дар позволял менять свое тело, но знала, что такие существуют. Пять лет – вполне типичный возраст для девочки, когда она познает свою силу. Поэтому можно понять, как столь юная девочка могла, не задумываясь о последствиях, надеть себя крыльями и взлететь.

– Отведи Эминель домой, пожалуйста? – спросила она Косло. Полагая, что ответ очевиден, женщина поднялась, отряхнула свою тунику и краги и направилась вслед за мальчиком.

Ее удивило, когда она услышала позади себя голос мужа:

– Нет. Возьми ее с собой.

– Что?

– Она должна увидеть, как ты исцеляешь.

– Девочке только...

Косло встал.

– Эминель. Возьми ее с собой.

Мальчик с безумными глазами сказал:

– Быстрее. Пожалуйста.

Нельзя было тратить время на споры. Она схватила пятилетнюю малышку за пухлую ручку. Возможно, Косло был прав. Если Велья пожелает, девочка может когда-нибудь стать целительницей, а если так, то ей доведется увидеть гораздо худшее, чем это. Может быть, тогда она сможет понять, что происходит.

Она посадила Эминель на бедро и пошла по каменистой тропинке, следуя за проворным мальчиком, а страх, звенящий в ее крови, подгонял ее двигаться достаточно быстро, чтобы не отставать.

Когда они прибыли, в деревне уже собралась дюжина жителей, и с каждым мгновением их становилось все больше. По мере того, как годы Бездевичья все тянулись, не предвещая признаков послабления, травмы маленьких девочек приводили деревню в ужас. А у этой девочки – маленькой для своего возраста, узкобедрой, с коротко остриженными волосами – на спине распускалась потрясающая пара крыльев: коричневатые перья, густые и тусклые, как у воробья зимой. Она лежала на спине с закрытыми глазами. Оба крыла были распростерты на песке: одно лежало широко и ровно, другое согнуто под неприглядным кривым углом.

Джехенит бросилась к ребенку и присела рядом. Девочка дышала, но слабо, и ее не удалось привести в чувство.

Над плечом Джехенит прозвучал отчаянный, безумный голос матери девочки:

– Она падала так долго... мы не знали, она никогда не показывала... мы даже не знали, она... помогите ей, пожалуйста, помогите.

Джехенит обернулась и протянула руки к матери, слегка обхватив ее за плечи, еще до того, как коснулась ребенка. Иногда не только больной нуждался в исцелении.

– Пожалуйста, – сказала она, говоря максимально спокойно. – Постарайтесь быть спокойной ради нее. Она будет искать вас, как только проснется.

Мать смогла успокоиться и опустилась на колени рядом с Джехенит, хотя ее глаза безумно метались по сторонам. По другую сторону от Джехенит присела Эминель, уже подражая своей матери, – рассудительная, маленькая и тихая.

Целительница осмотрела крылатого ребенка. Неглубокое дыхание вызывало беспокойство, но с первого взгляда невозможно было определить степень ее травм. Как долго она падала и как приземлилась? Невозможно сказать. Наверное, через несколько минут она встанет и пойдет. А может быть, она никогда больше не сможет ходить. А то не проживет и часа.

Джехенит огляделась. Конечно, песка было достаточно, как и жителей, у которых можно было позаимствовать жизненную силу, но она всегда сначала узнавала, нет ли других вариантов. В данном случае их не оказалось. Неподалеку стояло невысокое сухое дерево, на одной из его корявых ветвей сидели несколько воронов. Вряд ли их будет достаточно.

К ним подбежал мужчина, скорее всего, муж матери, и попытался поднять ребенка. Джехенит подняла руку, повысив голос.

– Нет! Не тревожьте ее! Она должна лежать.

Он все еще тянулся к распростертому телу ребенка, и Джехенит встала, чтобы загородить его собой, заставить мужчину остановиться. Заставить посмотреть на себя.

Когда она поднялась на ноги, то повернулась спиной к матери и ребенку, а также к девочке, о существовании которой она даже забыла: к своему собственному ребенку. Маленькая Эминель молча наблюдала за происходящим, как маленькая тень. Когда ее мама отвернулась, Эминель протянула руку и положила ее на грудь раненой девочки.

Джехенит не видела, что произошло дальше, но почувствовала это. Она ощутила, как паутина магии, которую она сплела для своей дочери, слегка порвалась, словно плащ, зацепившийся за колючку. Она не издала ни звука, но последовавшее дальше вызвало много шума.

Первый ворон с грохотом упал на песок. Второй и третий упали лишь мгновение спустя – еще два гулких и приглушенных удара. Затем ветка, на которой они сидели, стала такой же черной, как их перья, и с громовым треском отломилась от дерева. Эхо разнесло треск по яркому небу. В воздухе повисло зловоние горелых перьев.

Джехенит отвернулась от мужа матери, повернулась к девочкам и упала на колени. В ужасе и неуверенности она обхватила рукой крошечное запястье своей дочери. Что случится, если она отстранит руку дочери во время такого заклинания? Будет ли магия продолжать изливаться? И какая магия? Она колебалась, страшась того, что произойдет, если решится, и что произойдет, если отступит.

Взгляд Эминель скользнул с дерева на мать. В тот момент, когда их глаза встретились, Джехенит почувствовала холод. Девочка разорвала зрительный контакт, и ее взор устремился куда-то дальше.

Тогда Джехенит услышала, как мужчина вздохнул.

Она почти сразу поняла, что он вздохнул не от шока или удивления, а от бешеной, отчаянной попытки глотнуть воздуха. Долгое мгновение он хватался за горло, широко раскрыв глаза. Целительница почувствовала движение под своей рукой и повернулась, чтобы увидеть, как грудь крылатой дочери поднимается, наполняясь, пока отец боролся с дыханием. Пресвятая Велья. Каждый вздох девочки был украден. Каковы бы ни были последствия, она должна была положить этому конец. Она сильно дернула Эминель за руку, разрывая контакт с телом девочки.

– Ма-ма, – жалобно заскулил ребенок. – Позволь мне. Я хочу помочь.

– Не сейчас. Сядь вон там. Наблюдай. – И целительница сделала все, что в ее силах, хотя отнюдь не была уверена, что этого будет достаточно.

Как всегда перед началом исцеления, Джехенит тихо сказала:

– Велья, будь со мной, – а затем принялась за дело.

Какое бы исцеление ни успела совершить ее дочь за эти короткие мгновения, пока творила хаос, похоже, оно помогло: Джехенит чувствовала, как бьется сердце раненой девочки. Она дышала лучше, и продолжала дышать, даже теперь, когда муж ее матери снова мог вздохнуть самостоятельно. На щеках появился слабый румянец. Целительница черпала свою собственную жизненную силу, немного материнской и даже немного силу Эминель – возможно, она могла бы заставить ее замолчать, успокоить, – чтобы вернуть упавшую девочку с порога смерти на путь жизни.

Джехенит не смотрела на жителей деревни, но она чувствовала их энергию, их напряжение. Они видели, что произошло. Неужели они все поняли? Могли ли они сказать, что Эминель пыталась исцелить крылатую девочку? Что она потянулась к жизненной силе и зашла слишком далеко?

Затем появилось что-то еще. На груди раненой девочки, над сердцем, образовался темно-синий синяк. И Эминель, и Джехенит прикасались к ней в этом месте, но Джехенит знала, что это не ее рук дело. Затем появился еще один синяк, и еще. Синяки продолжали расцветать, синий на синем, синий на синем. Упавший ребенок тихо застонал. То ли от прежних травм, то ли от новых – определить было невозможно.

Джехенит повернулась к дочери. Непоседливый ребенок играл в игру со своими пальцами, щелкая ногтем указательного пальца по подушечке большого, издавая слабый свистящий звук. Казалось, что скучающий ребенок развлекает себя. Но это было не так. К своему ужасу, Джехенит поняла, что с каждым щелчком пальцев на коже другой девочки образуется новый синяк.

Она обхватила Эминель руками и сжала ее, надеясь, что родители раненой девочки воспримут это как всплеск эмоций, благодарность целительницы Велье за то, что ее собственная дочь в безопасности. Больше всего на свете она надеялась, что отвлечет девочку настолько, что та остановится.

– Ма-ма, – снова заговорила дочь, на этот раз тихо, ей на ухо. – Она говорит, в ней есть, что исправить. И я исправляю.

Джехенит сосредоточилась на паутине магии вокруг своей дочери и нашла крошечное отверстие, через которое вытекало всемогущество. Она не могла сама залатать дыру. Нужно срочно отвести дочку Джордже.

Кто-нибудь слышал, что сказала Эминель? Что делать, если да? Ничего.

В этот момент глаза раненой девочки открылись, и она издала крик, которому вторил крик ее родителей, радующихся тому, что ребенок ожил, и ответная волна облегчения прока-

тилась по толпе. Джахенит отвернулась от дочери, чтобы осмотреть маленькое тело, с особой тщательностью изучая каждый сантиметр.

– Падение было серьезным, – сказала она родителям, изо всех сил пытаясь придать голосу спокойствие. – Не могу сказать, сможет ли ваша дочь снова ходить, но, благослови Велья, я верю, что она будет жить.

Она хотела остаться, успокоить их, еще раз осмотреть малышку на предмет более глубоких повреждений. Но знала, что чем дольше они с Эминель оставались здесь, со шепоткой освободившегося всемогущества, тем больше риск попасть в беду. Слишком уставшая, чтобы нести дочь, она взяла ее за руку и повела по направлению к дому.

Джахенит сразу пошла к Джордже. Сначала она рассказала ей только минимум – нужно было заштопать дыру, попросила о помощи, – а потом, когда девочка погрузилась в послеполуночный сон, а женщины сидели рядом и пили чай, она рассказала ей все.

Джахенит заикалась:

– Она сказала, я думаю, она...

– Что? – сказал Джорджа. – Ты можешь все рассказать мне.

– Я думаю, она проникла в разум девочки, – призналась Джахенит. – Ее всемогущество. Какое же оно сильное!

Джорджа обняла Джахенит, которая положила голову на ее плечо и позволила себе расслабиться. Они просидели так очень долго, пока чай не остыл, а молчание не затянулось.

Чуть позже Джахенит в одиночестве, шаг за шагом, спустилась по лестнице в свой дом. Джорджа настояла, чтобы она оставила Эминель у нее, поскольку девочка уже спала; Джахенит с благодарностью согласилась. Она даже не успела посмотреть на Косло, как услышала его голос.

– Она умерла? – спросил Косло.

– Что? Нет, она с Джорджей.

– Я о девочке, которую ты лечила, – сказал Косло, отрывисто произнося слова, – но полагаю, ты думаешь только о собственном ребенке.

– Что? – повторила Джахенит, обессиленно пытаясь понять смысл слов мужа. Взглянув на него, она увидела, как он одет, и поняла, что происходит. На обоих плечах у него был дорожный мешок, набитый до отказа. Он собирался в путешествие. И не собирался возвращаться.

– После рождения дочери стало все намного хуже, но теперь я понимаю, что никогда не был по-настоящему счастлив, – сказал Косло. – Я любил тебя, но этого было мало.

Он смотрел на жену, ожидая ответа, которого у нее не было.

– Я возвращаюсь в семью матери, – резко сказал он.

У нее было много вопросов, но ни один не сорвался с ее губ. Джахенит ошеломленно смотрела на него сухими глазами.

Он воспринял ее молчание как призыв продолжать.

– Ты говорила, что любишь меня, но правда ли это? Но ты даже почти не замечала меня. Не пыталась, никогда не пыталась.

Наконец он, казалось, устал от пустоты ее взгляда, тяжело вздохнул и обошел ее, чтобы подойти к лестнице. Он прошел так близко, что она могла просто протянуть руку и коснуться его. Но не нашла в себе сил пошевелиться.

Потом она жалела, что не вспыхнула в ответ, повторяя его обвинения: *«Ты должен был делать больше. Тебя всегда было мало»*. Все эти слова были бы ложью, но, по крайней мере, они произвели бы на него определенное впечатление.

Когда через час Джорджа привела Эминель домой, а девочка пухлыми кулачками смахивала сон с глаз, Джахенит уже перестала плакать. И когда в ту ночь она легла, прижавшись к телу девочки, в ее ушах звучали не слова Косло, а слова Эминель.

«Она говорит, в ней есть, что нужно исправить. И я исправляю».

Будут ходить слухи. Никто, кроме Джорджи, не знал, кем была Эминель, даже она сама, но людям необязательно было знать, чтобы подозревать. До сегодняшнего дня Джехенит исцелила сотни людей на виду у всех, и ни у одного из них не было таких синяков, как у крылатой девочки. Если бы кто-нибудь догадался о том, что это связано с Эминель, поползли бы слухи. Джехенит не могла смириться с тем, что кто-то решит, будто ее дочь может представлять опасность для других девочек. В эти годы лишений не было ничего хуже.

Она видела только два варианта. Они могли уйти, оставив Адаж позади, пока не случилось ничего страшного. Тогда Эминель будет в безопасности. Но долг Джехенит был настолько укоренившимся, настолько глубоко осозанным, что она не могла просто бросить деревню на произвол судьбы. Без целительницы, с небольшой группой девочек, оставшихся беззащитными, Адаж исчезнет через поколение.

Тогда оставался другой, единственно возможный вариант. Она должна работать усерднее, сделать себя незаменимой. Не иметь врагов, чтобы все в деревне были у нее в долгу. Тогда сплетни стихнут, доброжелательность победит молву, потому что жители деревни будут любить Джехенит слишком сильно, чтобы выступить против нее.

Можно спасти и деревню, и свою дочь, в этом она не сомневалась. Нужно просто постараться.

9

Жертва и охотница

Давным-давно и сейчас

На острове у побережья Скорпики

Сессадон

Сначала они пронзили стрелой горло ее подруги Алиш, чья очередь была возглавлять отряд. Искусные охотницы – их враги. Мечи и копья с беспощадной быстротой разили следующие полдюжины ее товарищей. Затем воительницы догнали двух отставших: первая умерла с диким криком, вторая упала в тишине. Казалось, что через пять ударов сердца в живых осталась только Сессадон, боровшаяся за свою жизнь.

Ее судьба висела на волоске. Истекая кровью от полдюжины ран, которые убили бы менее сильного бойца, ран, которые могли бы свалить ее через несколько минут, часов или дней, она бежала по незнакомому лесу. Она знала, что ее кровь оставила четкий след, по которому мог бы пойти любой дурак. И все же, обнаружив, что на нее охотятся, как на обычную обреченную лису, она поступила так, как поступает добыча. Побежала.

Позади они кричали друг другу, их возгласы раздавались слишком близко, всегда слишком близко, следя за ее продвижением сквозь деревья. Они гнали ее вперед, так что ей необходимо было бежать – или умереть. Когда она, спотыкаясь, выбралась из зарослей леса и оказалась высоко над бурлящей, ревущей угрозой Соленой Пасти, их крики повеселели, стали дразнящими. Они были уверены в своей победе.

Поэтому Сессадон сделала выбор, который вовсе не был выбором. И когда, усмехаясь, они прижали ее к самому краю белой скалы, она собралась с силами и прыгнула.

Ее летящее тело оставило берег позади, пролетев по воздуху, затем по воде и вниз, вниз, вниз. Она исчезла, поглощенная покрытым белой пеленой морем. Они не последовали за ней, потому что в водах Соленой Пасти ждала только смерть. Ее грохот разносился вокруг нее, когда она сомкнулась над головой Сессадон, и ее мир стал мутным, пропитанным солью.

Позже поглотившее ее море выплеснуло девушку на еще менее знакомый берег, на одинокий остров. Небо. Песок. Тишина.

Она пробудилась в своем земном облике – неким подобием тела, которое не было телом, хотя когда-то было им. Она почти канула в небытие, но здесь была магия. Что-то могущественное, что-то зачарованное поддерживало ее дух, чтобы он не ускользнул. Стоит ли ей цепляться за этот якорь? Она была так одинока. Ее друзья убиты, далекая родина превратилась в нечто неузнаваемое, все, что ей обещали, пропало, пропало, пропало. Но она слышала силу, поющую на уединенном острове, в выступах сверкающего кварца, в устье пещеры неподалеку. Темная зияющая дыра на фоне синего неба. Вдали от света, вдали от непогоды. Если она смогла забраться так далеко, сказала она себе, то сможет подождать. Либо смерть найдет ее, либо что-то другое. Медленно, очень медленно, она поползла к желанной темноте пещеры. Оказавшись внутри, девушка прижалась щекой к песчаной земле и позволила себе погрузиться в темноту.

Спустя неизвестное время – минуты? дни? годы? – Сессадон проснулась.

Ее телу не была присуща ни одна из функций, которые должны быть у тела: ни дыхания, ни пульса, ни сердцебиения. Ее кровь иссыкла в иссохших, истощенных венах. И все же что-то от ее земной формы осталось. Ей нужно было вернуть и свое тело, и свою цель: одно послужит другому. Если бы только она не была одна. Если бы у нее вообще никого не было в этом мире, подумала Сессадон, вспомнив обстоятельства, которые привели ее сюда, то и жить было бы незачем.

Поэтому сначала она сосредоточилась на своей цели. Собрала воедино источник своей силы, оберегая его, как тлеющий уголек. Пробормотала слова заклинания и послала его над

раскинувшейся землей, ища и надеясь. Там, далеко-далеко, так далеко, что она едва ее заметила. Капля крови, которая воспевала ее кровь, такую же свежую и новую, как и ее, высохшая и растроченная. Потомок ее рода. Тогда она ощутила его целиком. Цель. Цель. Она изменила форму заклинания, втянула каждую каплю силы, которую могла собрать. В безмолвном исступлении она начертала заклинание дальнего действия на прохладном твердом потолке пещеры, растягивая, уплотняя, прижимая его, как пресное тесто на раскаленном камне. Чтобы достичь своей цели, ей нужно было поощрять одни возможности и отсекал другие, и это заклинание должно было сформировать будущее, которого она желала.

Ее силы иссякли, она легла отдохнуть и больше не просыпалась до прихода охотницы.

* * *

Никто другой не заметил бы охотницу. Она двигалась по лесу, как водяной жук по серебряному пруду, почти незаметно. Путь ее был легкий и уверен, как стрела, готовая в любой момент пуститься в полет. У ее добычи не было ни единого шанса. Скорее всего, они даже не узнают о ее присутствии.

Но девушка из пещеры знала.

Когда Сессадон проснулась, то заметила движение времени на острове вокруг себя, хотя она все еще не знала, сколько проспала, и сколько времени прошло с тех пор, как ее впервые выбросило на берег. Листья нависающих деревьев казались длиннее и тяжелее, сам пляж стал немного шире, где море унесло больше песка. Но две вещи не изменились. Заклинание, которое она начертала на потолке пещеры, висело над ней, успокаивая, а ее ослабленная форма не стала более твердой. Ей понадобится помощь, чтобы вернуть жизнь в тело. Чтобы почувствовать, как иссохшие легкие не просто разбухают и восстанавливаются, а наполняются воздухом. Теперь, когда она вспомнила о своей цели, то жаждала вернуть чувствительность пальцам и улыбку на лицо. А теперь рядом с ней, чтобы составить ей компанию, появился кто-то молодой и сильный, полный жизненных сил. Теперь она больше не была одинока.

Осторожно, чтобы не отнять слишком много энергии у своего основного заклинания, оставаясь скрытой, она слегка потревожила своим голосом слух молодой женщины.

«Удачной охоты», – прошептала она.

Охотница застыла, не оборачиваясь в поисках источника голоса, но оставаясь неподвижной, как деревья, окружавшие ее по бокам. Хорошая охотница знала, что уши могут рассказать больше, чем глаза. Она оставалась неподвижной, и Сессадон воспользовалась моментом.

Прошла целая вечность с тех пор, как она практиковала эту магию, но ей нужно сделать это сейчас, и сделать правильно. Шанс будет только один.

Она погрузилась в разум молодой охотницы, проплывая сквозь его мутные глубины, как сквозь холодные потоки Соленой Пасти. Мысли окружали ее, и она ловила их шальные идеи и воспоминания в виде вспышек, как серебристые рыбки, проплывающие мимо, мелькающие, спешащие. Охотница знала, какой сейчас год, и Сессадон теперь тоже знала; прошло пять столетий, поняла она с потрясением, но у нее не было времени обдумать это откровение. Поэтому она погрузилась глубже, собирая разрозненные мысли женщины в предложения и слушая, как охотница без всякого умысла раскрывает правду о том, кто и что она есть.

«Я – Хана дха Родарья, – начала рассказ охотница. – Сегодня утром я убила трех горных козлов, мать и ее детей, и помню, где находится дерево, на котором я повесила их, чтобы с тужи стекла кровь, и по возвращении в лагерь я смогла разделить их и упаковать мясо для путешествия. Больше всего в жизни я люблю цветение аргаута весной, свободу, от которой захватывает дух, когда скачешь на диком пони по равнинной местности, и смущенную улыбку застенчивой Марберы, когда я шепчу в ее розовое ушко милые непристойности».

Из шести талантов, которыми может обладать любой маг Арки – воздух или земля, вода или огонь, разум или тело – маги разума были самыми непостижимыми, им меньше всего доверяли. Не каждый маг разума мог управлять другими сознаниями; среди тех, кто мог, было распространено мнение, что одновременно можно управлять только одним сознанием. Но тогда чьим словам мог верить любой маг? Нельзя было доверять ненадежным людям, если они были честны в отношении своей собственной природы. Только маги разума и королевы, управлявшие ими с помощью всемогущества, наверняка знали правду. Еще в юности, до того, как ее забросили в эту забытую землю, Сессадон обнаружила, что обладает большей силой, чем могла подозревать. В первый раз это произошло случайно. Она хотела лишь исследовать разум девушки-служанки, а не вскрыть его, как зеленый миндаль, и выпить все знания, оставив девушку в беспомощности. Она быстро научилась вести себя осторожно. Упражняясь, она сумела проникать в чужой разум, как нитка в игольное ушко. Могла даже незаметно проникать в разум своей сестры, когда натренировалась достаточно хорошо. Тогда она поняла, как сильно сестра боялась ее. Сестра никогда не могла ее ненавидеть – эти неявные мысли ясно говорили об этом, – но она также никогда не могла ей доверять.

В конце концов, разногласия развели их в разные стороны. Гордая, свирепая Сессадон была избрана главой их племени, но затем создатели Великого Договора постановили, что королевства придут на смену племенам. И они предложили более очаровательной и осторожной Крувесис стать королевой зарождающегося народа арканцев. Возвышение одной сестры стало падением другой. Трудно сказать, ушла ли Сессадон или была изгнана, но это было одно и то же. Она собрала небольшую группу озлобленных магов и отправилась на север, и всего через несколько месяцев после определения границ Арки они оказались далеко за их пределами.

Страх Крувесис был не единственным, что Сессадон выудила из глубин сознания своей сестры. Женщины, создававшие королевства, поделились с Крувесис секретом: хотя Арка была основана на юго-востоке, чтобы черпать песок, который позволял почитателям Вельи колдовать, те же минералы были сконцентрированы в кварцевых залежах на островах у северо-западного побережья недавно образованного государства Скорпика. Сессадон и ее друзья, как и Алиш, намеревались исследовать эти месторождения и, возможно, даже добыть и вывезти кварц. Если они смогут показать, что эти разделения между нациями были условными и даже малопродуктивными, то смогут ослабить новые государства, прежде чем те успеют окрепнуть. Племена, а не королевства, были естественным порядком вещей. Велья никогда не хотела, чтобы они собирались в общины размером больше нескольких матрикланов или ограничивали пределы их странствий. Кварцевые острова стали тому подтверждением. Но не успели они отплыть от материка, как охотницы-скорпиканки устроили засаду, и только Сессадон выжила и ступила на острова, до которых было так далеко добираться.

Теперь она потянулась к кварцу, задействовала его огромный потенциал и призвала магию разума. Когда она впервые жила все эти годы назад в Арке, она так и не узнала пределов своих способностей; теперь у нее был только один разум, с которым можно было поиграть, но она собиралась использовать его по максимуму.

Она начала с первой мысли: *«Женщина в пещере – моя подруга»*.

С губ Ханы не сходила улыбка. Вот. Уже работает.

Сессадон снова мягко подтолкнула ее.

«Мне не нужно сейчас охотиться. Я проведу свою подругу».

Хана вошла в пещеру так же бесшумно и легко, как двигалась по лесу, ее тело было напряжено, но разум открыт.

«А, вот она, – пронеслась мысль. – Моя подруга. Я плохо ее вижу, но я ее знаю».

В темноте пещеры, используя только свою магию разума, Сессадон подманила Хану ближе. Очень мягко, всего лишь намеком, шепотом.

Охотница приблизилась, пробираясь к задней части пещеры. Причину приятного чувства нельзя было определить, но она не стала сомневаться. Зачем сомневаться в столь теплом чувстве? Все было хорошо. Все было правильно. Теплая темнота обнимала ее, и новая подруга была здесь. Это было правильно – чувствовать равновесие в мире.

Простой тест, подумала Сессадон. Просто чтобы проверить. Возможно, откроет дверь к множеству интригующих возможностей.

На этот раз, не думая, а только приказывая, колдунья направила свой разум в разум охотницы и перенесла его.

Правая рука Ханы поднялась в воздух, поправила кожаный ремень, удерживающий колчан со стрелами на спине, а затем снова опустилась на бок. Молодую женщину не беспокоил тот факт, что ее тело только что сделало нечто, о чем она и не помышляла. Ее мысли были спокойны, дружелюбны, открыты. Благодаря силе манипулирования разумом охотницы, Сессадон теперь могла двигаться и использовать ее тело.

Губы колдуньи тронула улыбка.

Сама не понимая почему, охотница тоже улыбнулась.

10

Испытания

507 год Всея Матери

Во Дворце Рассвета, Арка

Мирриам

С высоты над лабиринтом слышались одобрительные возгласы Королевы Мирриам из Арки, Кладезя Всемогущества, Повелительницы Песка и Сокрушительницы.

Она не носила корону. Королевы Арки никогда не носили их. Зато на ее шее висела сверкающая змея из голубого стекла, которую носили все королевы со времен Крувесис, ее жемчужные глаза сияли тем, что в некоторые дни и при определенном освещении выглядело как проблеск разума. Ожерелье из змеи не было истинно стеклянным. Настоящее стекло не умеет ползать. Но сегодня змея просто покоилась в удобной позе, согреваемая теплом тела кричавшей королевы. Королева подбадривала пару девочек, мчавшихся по учебной полосе внизу, темные рукава ее мантии ниспадали с поднятых рук, как лепестки экзотического цветка.

Десятки изысканно одетых придворных, ревностных и взволнованных, стояли перед лабиринтом. Как и их королева, они кричали, подбадривая то одну, то другую девушку, выражая одобрение, разочарование, удивление. Их взгляды то и дело пробегали по лицу королевы, оценивая ее и наблюдая за ней, чтобы они смогли изменить свое поведение, подражая ей. Она была их образцом и музой.

И Мирриам ненавидела всех до единого – каждую женщину, каждого мужчину, независимо от их ранга, независимо от их талантов – с особой, жгучей страстью.

Единственные люди на высоких трибунах, которых она не ненавидела – ее мужа, – сидели по левую сторону от нее. Рийс сидел ближе всех как старший муж, затем Эвер как младший. Справа от нее пустовало место для ее дочери, Мирриды, которая не любила присутствовать на испытаниях, но Мирриам не отдала бы ее почетное место никому другому при дворе. Ведь тогда нарушится хрупкое равновесие. Она посадила женщин самого высокого ранга так близко, чтобы они могли слышать ее речь, но не так близко, чтобы они не могли слышать ее шепот; это была важная особенность, которую она соблюдала в течение многих лет.

Держать врагов близко к себе – мудрый план действий, и она никогда не отступала от него. Ее мать дала ей этот совет почти век назад. Но близость была как проклятием, так и добродетелью. Ее придворные соперники каждый день и каждую ночь пользовались магией, граничащей с опасностью. Такое постоянное давление изматывало женщину, особенно после стольких десятилетий. Сами придворные менялись со временем, но опасность – никогда.

Матерью Мирриам была Соладжи, Кладезь Всемогущества, Владычица Песка, Сокрушительница Врагов. Четвертым титулом Соладжи стал Сокрушительница Несправедливости. Когда Мирриам выбирала титулы, она остановилась на самом простом – Сокрушительница. В нем звучала правильная нота страха: безграничность.

Но сегодня утром перед собравшимися придворными она была сама доброта. Королева болела за обеих всемогущих девочек, соревнующихся в лабиринте, не выбирая фаворитку. Обеим было около десяти лет, в каждой заметна детская округлость, темные волосы откинута назад с маленьких, решительных лиц. Более высокая была одета в белую тунику, доходившую ей до колен, а та, что пониже, носила такую же тунику, выкрашенную в черный цвет.

Они казались равными, обе демонстрировали свою способность видеть сквозь иллюзию, прыгать через огонь, дышать в воде, строить мост из земли. Теперь, потрепанные, уставшие и мокрые, они разошлись в поисках выхода, решения загадки лабиринта. Недостаточно просто пережить опасности лабиринта, хотя некоторые девочки терпели неудачу, если их магия была недостаточно сильна. Девочка должна участвовать в состязании, победить и найти выход.

Если она не могла этого сделать, то проваливала испытание, и каждый придворный знал, какое наказание полагается за неудачу.

Высокая девочка в белом, с растрепанными волосами, прилипшими к лицу, задыхаясь, подошла к еще одной глухой стене. Ей придется снова пройти через огонь, чтобы найти дорогу к следующему повороту; Мирриам видела, как иссякает ее энергия, видела сомнения на ее лице. Сможет ли она собрать достаточно жизненной силы, достаточно мощи, чтобы наложить заклинание, которое позволит ей благополучно пройти через огонь? Перепрыгнуть или перелететь через огонь, сделать свою кожу непроницаемой и пройти сквозь него, чтобы найти какой-то другой путь?

Девочка в черном свернула с дороги и наткнулась на неудачу: стену развернуло, изменив направление, и теперь со всех сторон ее окружали глухие стены. Как мышка, она перебежала то в один угол, то в другой, ища выход, но находила только ровное пространство.

Затем шум разбивающейся волны вскружил всем головы: девочка в белом вызвала воду, огромный поток воды, и погасила огонь перед собой. Она помчалась по пеплу, его серая масса прилипла к ее босым ногам, и, повернув еще два раза направо, она вышла из лабиринта и оказалась на свободе.

Придворные во главе со своей королевой взревели.

Мирриам поднялась на ноги, аплодируя, и спустилась к выходу из лабиринта. На ее лице играла широчайшая улыбка. Когда она встретилась взглядом с победившей девочкой, то слегка кивнула головой в знак уважения к ее победе, одержанной с таким трудом. Получить одобрение от королевы – это очень важно.

– Мои поздравления, – сказала она девочке. – Хорошо отдохни. Завтра снова придется побегать.

Мирриам увидела вопрос в ее глазах: «Так скоро?», но та ничего не сказала. Хорошо. Девочка, не умеющая держать язык за зубами, никогда не сможет стать королевой.

Эта девочка все равно никогда не станет править, но ей не нужно было это знать. Испытания не связаны с девочками. Испытания проводились для двора: для управления его энергией, его переменчивыми союзами, его огромной силой.

Придворные не обладали всемогуществом, но те магические способности, которыми они владели, были самыми сильными в своем роде. Лучшая заклинательница воды при дворе могла разрушить просторы Насмешливых Вод; сильнейшая из заклинательниц земли могла вызвать землетрясение, под натиском которого дрогнуло бы и с треском расколосось любое стоящее на поверхности здание. Их мастерство было непревзойденным, их одежда – самой богатой, их украшения – самыми яркими и сверкающими, а их мужья – самыми красивыми.

А некоторые из мужей владели и другой магией, той, которой обладали только самые талантливые мужчины Арки: разновидностью магии иллюзий, которая распространялась не только на их собственную внешность, но и на внешность других. Муж Беники, Дувин, мог заставить мерцать глаза других людей, отвлекая или пугая их. Муж Дольсы, Иджан, мог создавать в любой комнате цветочное пятно, окрашивая все в зеленый, как трава, или красный, как кровь, цвет. Он был очень востребован на банкетах и других общественных мероприятиях, хотя практического применения такому дару никто не нашел. В любом случае мужей обычно выбирают не за их практичность.

Мирриам, Королева Арки, повернула победительницу лицом к ожидающим придворным и сказала:

– Эта всемогущая девочка заслужила вашу похвалу! Пусть она услышит, как угодила вам.

Трибуны разразились аплодисментами. Беника и Дувин, спонсоры девочки, спустились вниз. Они улыбнулись ей, и девочка устало улыбнулась в ответ, когда они провожали ее с арены обратно в покои.

Затем Мирриам повернулась к другой девочке, той, что была в черном.

– Мне очень жаль, – мягко сказала она. – Твое всемогущество недостаточно сильно. Ты не станешь королевой Арки.

По лицу девочки потекли слезы, но к ее чести голос ее был тверд. Она повернулась лицом к своей королеве и заговорила с легким трепетом:

– Кем же я буду?

– Пока что ты будешь работать на кухнях, – сказала Мирриам. – Неплохая жизнь.

– Что, если я захочу вернуться к семье?

– Сначала кухни, – сказала Мирриам. – В благодарность за все, что мы тебе дали, ты же понимаешь. За то, как мы принимали, одевали и кормили тебя все эти месяцы, пока ты тренировалась, давая тебе шанс вырасти. Честный обмен. Если после шести месяцев службы во дворце ты все еще захочешь вернуться в свою деревню, тебе нужно только сказать об этом.

Девочка посмотрела на нее и торжественно кивнула. Мирриам положила руку ей на плечо и жестом указала на мужчину в полуночно-синей мантии, который отведет ее туда, куда нужно.

– Твои усилия были не напрасны, – сказала она девочке, прежде чем убрать руку. – Все здесь сегодня видели, на что ты способна. Велья благословила тебя. Мы об этом не забудем.

Ее слова были добры.

Ее слова были прекрасной ложью.

* * *

Абсурдно, думала Мирриам, что можно вырастить живое существо внутри собственного тела и не иметь никакого контроля над тем, кем оно станет, когда выйдет наружу. Она родила Мирриду почти тридцать лет назад и до сих пор считала свою дочь непостижимо чужой. Миррида оказалась маленьким, тонкокостным ребенком, слишком рано появившимся на свет, словно она была не в силах больше терпеть тело матери. Их неприятие друг друга даже с тех ранних дней было взаимным.

И все же ее дочь была одной из немногих, кому Мирриам доверяла. Их связывала кровь, что много значило в этом мире, и всемогущество, которое передалось от матери к дочери, что значило еще больше. Мирриам с нескрываемым уважением относилась к Мирриде, которая раз за разом доказывала, что она, как бы ни разочаровывала мать, была очень умна. По крайней мере, это их объединяло.

– Королева – произнесла Миррида, ее голос был резким, и Мирриам поняла, что дочь не в первый раз позвала ее.

Внимание королевы рассеялось. Она часто отвлекалась, пытаясь вникнуть в разговор. Как бы ни хотелось Мирриде присутствовать на испытаниях, она часто приглашала мать в свои покои после них, чтобы обсудить их наедине за полуденной трапезой, и Мирриам еще ни разу не отклонила ее приглашение.

– Я хотела сказать, – наклонилась Миррида, – учитывая Затишье, не думаешь ли ты, что нам следует немного упростить испытания?

– Я не заставляю их участвовать, – солгала Мирриам. – Испытания таковы, каковы они есть. Если Велья не дает девочкам достаточно сил, чтобы пройти их, значит, сегодняшние девочки недостаточно хороши, чтобы стать наследницами трона. Но зачем мне еще одна наследница? У меня есть ты.

– Я умру намного раньше тебя.

Мирриам произнесла:

– Такой чудесный день. Не стоит портить его, напоминая мне о своем упрямстве.

– У меня нет никакого желания продлевать себе жизнь, – без эмоций сказала Миррида. – Я говорила тебе тысячу раз. Не заставляй меня повторять снова.

«Ты не захочешь знать, что я могу заставить тебя сделать!», – подумала Мирриам и промолчала.

– Поэтому ты пришла? Сказать, что испытания слишком суровы?

– Я пришла сказать тебе, что люди интересуются, как ты собираешься справляться с Бездевичьем.

Мирриам вскинула руки.

– Справляться? Это моя личная ответственность?

– Ну, – сухим тоном ответила ее дочь, – ты вообще-то королева.

– Я говорю про то, что не я стала причиной Бездевичья. Неужели они думают, что дело во мне?

– Некоторые – да.

– Но почему? Если девочки больше не будут рождаться, в конце концов, в Арке иссякнет магия. Мы превратимся в нацию красивых мужчин и мертвых женщин. И песка.

– В перспективе – да. Но горизонт времени...

– Да, да, я понимаю. – Мирриам пренебрежительно махнула рукой, мысленно уже подхватывая остальные аргументы дочери. – Некоторые наиболее талантливые женщины Арки живут дольше, чем женщины других королевств. Если наши тела остаются достаточно молодыми для рождения детей, то независимо от того, насколько стар наш разум, мы все еще можем рожать. Как только девочки снова начнут появляться на свет, мы восполним недостаток.

– Первым вымрет нация воительниц – сказала Миррида, и в ее голосе больше не было беспечности. – Остальные народы занимают промежуточное положение, но все они беспокойны. Паксим уже оказался в затруднительной ситуации, споря, можно ли разрешать мужчинам голосовать. Не говоря уже о том, чтобы занимать государственные должности, а у их королевы есть только сын. Их мужчины... хотят обладать властью.

– А наши мужчины? Они так же рвутся управлять?

Миррида опустила взгляд.

– До меня доходили некоторые слухи...

Официально дочь королевы занимала должность главной советницы, но любой человек знал, что она также является шпионом, и любые слухи, которые она слышала, были не просто слухами. Она не стала бы упоминать этого, если бы королеве не требовалось знать об этом.

– Буду иметь в виду, – произнесла Мирриам.

Она оставила дочь и быстро пошла по выложенным золотым песчаником залам Дворца Рассвета, направляясь в свои покои. В какой-то момент в будущем мужчины Арки могут объединиться, чтобы выразить свое недовольство. Сегодняшние слухи могут превратиться в заваршнее восстание. С другой стороны, между бессилием и риском для жизни в борьбе за власть – огромная пропасть. Жизнь этих мужей-арканцев была не так уж плоха, если подумать. Если это станет проблемой, ей придется противостоять угрозе.

Но пока что на уме у нее было иное применение мужчинам, и двое мужей ждали ее.

Как говорится, *один для ума, другой для постели*, но Мирриам не выбирала себе мужей по традиционным причинам. Она искала спутника, который мог бы удовлетворить ее телом и душой. Когда они были моложе, королева чаще останавливалась на Рийсе, но теперь она предпочитала искать удовольствия с Эвером. У каждого из них была своя комната в ее покоях, так что она могла выбирать по своему усмотрению. Легонько постучав в дверь Эвера, она открыла ее, не дожидаясь ответа.

Муж лежал и ждал ее, растянувшись на мягком диване у окна, длинные голые ноги выделялись на фоне бледных подушек.

– Дремлешь? – спросила она.

– Надеюсь, – сказал он и поднялся ей навстречу.

Мирриам прижалась к его губам, исследуя его теплый знакомый рот, и положила руку ему на грудь. Она легонько толкнула его, и он снова упал на подушки.

– На это я и надеялся, – сказал мужчина с лукавой радушной улыбкой.

Они провели вторую половину дня в утехах, обнажаясь друг перед другом, пока солнце за окном опускалось все ниже за горизонт.

Мирриам с удовольствием растворилась в ощущении прикосновения кожи к коже, отбросив все мысли о Затишье, испытаниях и трудностях. Муж гладил и лизал ее, разжигая удовольствие, как костер: сначала искра, потом пламя, потом долгое, медленное горение углей с долгим, роскошным жаром.

Всякий раз, когда в ее проворном сознании зарождалось беспокойство, Мирриам просто отгоняла его, говоря себе, что впереди другие дни. Недели, месяцы и годы.

Королеве Мирриам из Арки, Кладезе Всемогушества, Владычице Песка и Сокрушительнице, прожившей уже более ста лет, еще предстояла долгая жизнь.

11 Вызов

Скорпика

Кхара, Тамура, Вишала

Два года назад пять воительниц были посланы на далекий остров-тюрьму под названием Фингернейл. Однажды в конце лета четверо вернулись домой.

Летний лагерь был уже наполовину свернут. Наступал сезон охоты на крупную дичь, и десятки свободных воительниц отправлялись в Среднегорье, чтобы принести домой мясо, которого хватит на всю зиму. Мелкую дичь – красных белок, кроликов – было достаточно легко добыть в любое время года. Но сейчас был самый подходящий сезон, чтобы завалить крупных животных. Каждая добыча могла спасти десятки жизней. Часы, посвященные охоте на бурого медведя или горного оленя, были потрачены с пользой.

Так было всегда, и Кхара следовала этому обычаю. Она послала в поход воительниц, ровно столько же, сколько и в прошлом году, хотя мяса требовалось не так много; Бездевичье сократило их численность, и скорпиканкам было нужно немного. Она понимала, что слишком крепко держится за старые порядки. И все же она не сдавалась. Она слышала ропот тех, кто не соглашался с ней, рябь недовольства. Но признание того, как изменился мир, было слишком похоже на капитуляцию. Она позволила себе отложить расплату. «*В следующем году*», – подумала она. В следующем году она пошлет в горы меньше воительниц. Возможно, тогда станет яснее, что принесет будущее.

Отряд с Фингернейла должен был вернуться почти за месяц до похода, но путешествие через четыре страны сулит опасности, а учитывая беспокойное время, задержки были ожидаемы. Никто пока не выразил серьезного беспокойства. Эти женщины были живучими, иначе их никогда бы не отправили на Фингернейл: все они были сильными, упрямыми, воительницами до мозга костей. После двух лет тяжелых испытаний они наконец-то отправились домой, и даже злключения вряд ли смогли бы задержать их надолго.

Когда вдалеке показались четыре фигуры, мгновенно поползли слухи. *Почему только четыре? Кто именно?*

Бохара пришла в лагерь, как и Ларакхи, Никхит и Ибис, но не Тамура дха Мада. Ходили домыслы. По одной версии, она была убита заключенным. По другой версии, сбежала к арканцам. За считанные часы после возвращения четырех стражниц бесчисленные беспочвенные сплетни распространились по всем уголкам лагеря. В слухах называли Тамуру благородной и продажной, преданной и неверной, мертвой и живой.

Когда рассвело, они увидели правду своими глазами.

Тамура дха Мада сидела в двадцати шагах от переднего входа в шатер королевы Кхары, скрестив ноги. Черты ее лица заострились, тело стало стройнее, последние следы детской мягкости исчезли. Она ушла с косой, как у маленьких девочек; сейчас она была подстрижена как воительница, но не так давно, и ее короткие темные локоны рассыпались вокруг головы, как лучи солнца. В двух шагах от нее лежал много раз использованный кинжал с костяной рукояткой – кинжал ее матери, направленный прямо вперед.

Кхара уже тогда знала, что не будет ни секунданта, ни поддержки со стороны других воительниц. Никто из стражи не поднял тревогу, когда Тамура пришла в лагерь ночью; никто не сказал Кхаре, что она здесь. Никто не предупредил. Она должна была выглянуть через полог шатра в розовеющий рассвет и увидеть молодую женщину собственными глазами. Во время Затишья она слышала бесчисленные шепотки недовольства, но не обращала на них внимания, полагая, что узнает, когда кипящий гнев станет по-настоящему серьезным, и что, когда она решит действовать, у нее будет время. Теперь понимала, что время истекло.

Неподалеку притаились две другие бывшие стражницы из Фингернейл. Кхара разглядела крепкую, уверенную фигуру Бохары и более угловатые очертания Никхит. Она знала, что напускная непринужденность их поз вовсе не была простой. Они стояли на страже Тамуры. Они были готовы.

Двух лет оказалось мало, чтобы подготовиться к встрече с Тамурой в бою. Никакого времени не хватило бы.

Опустив полог шатра и вернувшись к своей постели, Кхара погладила волосы дочери и сделала вид, что ничего не случилось. Аманкха повернулась во сне, не просыпаясь, и положила голову на бедро матери. Кхара сдвинулась ниже. Голова девочки на ее коленях оказалась приятной тяжестью, изгиб ее маленькой щеки был невероятно милым. Мать долго разглядывала дочь.

Кхара хотела остаться здесь, в этом сонном мгновении, навсегда. Вокруг них царил утренний покой. Мирное утро, как и многие другие, если бы не поджидающий враг.

Когда дочь начала просыпаться, Кхара нежно поцеловала девочку, прижала ее к себе, пощекотала подбородок. Ее крошечная лучезарная улыбка была подобна солнцу и звездам. Тогда Кхара почувствовала боль в сердце. Возможно, ей следовало сбежать. Возможно, было еще не слишком поздно. Возможно, молодую девушку можно было образумить – но нет. Время для вразумления прошло. Претендентка приняла противоположную позицию. Наступил момент, которого все ждали.

– Хорошо спалось, милое дитя? – спросила Кхара.

Маленькая Аманкха обдумывала вопрос, моргая и приходя в себя.

– Я все еще хочу спать.

– Тогда закрывай глазки.

– Не могу. Здесь так много интересного, – сказала девочка, удивленно оглядываясь по сторонам.

– Кроме меня, здесь не на что смотреть, – сказала Кхара. – А ты уже видела меня раньше.

– Ты тоже видела меня раньше. Много раз! Но ты все равно постоянно смотришь на меня.

– Это правда. – Она прижалась и поцеловала волосы девочки, вдыхая ее запах.

– И ты тоже уже целовала меня раньше, – заметила Аманкха, ее высокий голосок прозвучал твердо и поучительно, с той неоправданной уверенностью, которая свойственна очень маленьким.

– Тоже правда.

– Иногда мы делаем одно и то же снова и снова.

Кхара подтвердила:

– Иногда да.

– Почему?

– Иногда, потому что можем, – сказала мать и крепко поцеловала девочку в лоб, а затем чмокнула в губы, чтобы Аманкха рассмеялась.

Но даже наслаждаясь своими последними минутами с дочерью, Кхара старалась не обнимать ее слишком крепко. В конце концов, она не прощалась. Даже когда вошла Вишала и обе женщины склонили головы в напряженной беседе, их голоса были негромки.

Они бормотали так тихо, что Аманкха не могла разобрать слов. Она только знала, что ее мать и тетя, пока говорили, обхватили друг друга за предплечья – воинское объятие. С обращенными вниз лицами они выглядели так, будто могли быть сестрами или даже близнецами. На большом расстоянии она могла бы и не определить, кто из них кто. Пока они разговаривали, она снова устроилась в своей постели. Возможно, она еще немного поспит, подумала она. Ее веки были тяжелыми. День мог подождать своего начала.

– Спасибо, – наконец сказала Кхара, ее голос был тихим и низким.

– Да благословит Скорпион ваш путь, – сказала Вишала в ответ, опустив голову. Не глядя в глаза подруге, она ушла.

Выйдя из шатра, Вишала, словно ястреб, поднявшийся в воздух, направилась прямо к Тамуре. Резкими, быстрыми шагами она сократила расстояние между ними, а затем уперлась ногами в острие кинжала девушки. Она ничего не сказала. Девушка тоже не реагировала. Можно было даже подумать, что она вообще не видит женщину. Они просто находились друг против друга, молча желая, чтобы каждая выбрала другой путь.

После долгого, тягостного молчания Вишала наклонилась и приложила кончики двух пальцев к потертой костяной рукоятке кинжала. Не торопясь, Тамура протянула свою руку и положила пальцы на тыльную сторону ладони Вишалы. Однако, тем не менее, Вишала не остановилась. Медленно, почти нежно, Вишала повернула острие кинжала обратно к девушке, которая положила его на землю.

– Ты не обязана это делать, – шепотом сказала Вишала.

Длинные, стройные ноги Тамуры были по-прежнему скрещены, рот застыл в жесткой линии, тело – поднятый флаг боевой готовности. Она не произнесла ни слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.